

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Annotation

Человек бесследно пропал. Возможно ли это? И случаев таких много. Может быть, исчезнувшие из нашего мира люди попали именно туда, где их потенциал востребован и они живут полной жизнью. Если работают, то до изнеможения, если голодают, то по-настоящему, до колик в желудке. А если им грозит опасность, то реальная, с громадными клыками, когтями и звериной ловкостью. И дружба там настоящая, а не замешанная на материальной выгоде. Да и любовь искренняя, а не рекламный суррогат. Вот и герои этой книги случайно провалились глубоко в прошлое. Для нашего мира они исчезли, а для мира, где ещё не существовал Человек разумный, они возникли из ниоткуда и начали приспосабливать этот мир под себя.

Олег Кожевников

Жажда жизни

© Олег Кожевников, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Оно, конечно, ежеси, как – что, нельзя сказать, чтобы – дескать. А случись с тобой такое дело – вот тебе оно и пожалуйста...

Вот же незадача, уже два часа дня, а нам, если будем так ползти, пилить ещё час, не меньше. Ну и попали в переделку! Нет, чтобы этому долбаному трактору минут на десять позже выехать на шоссе. Главное, хрен обгонишь – страшно! Дорога выкручивала замысловатые петли, и впереди обзор открывался максимум метров на двести. Если бы мы ехали не на старенькой, перегруженной «Газели», а на нормальной легковой тачке, я бы, конечно, рискнул. Ну а на этой пердящей дурынде, нет уж, извольте, тем более это моё единственное достояние, если не считать куска земли в десять соток, который мне презентовал дед. Ему как ветерану её бесплатно выделили, а я подсуетился. А что? Не пропадать же участку в шестидесяти километрах от Москвы.

Сам бы я на это дело вряд ли подписался и залез в такое ярмо, но мой друг Серёга сбил меня с панталыку. Когда-то я ему по пьяни посетовал, что деду предложили вместо обещанных ранее «Жигулей» никому не нужный земельный надел, а он буквально загорелся. Тут же нацедил мне стакан сушняка и начал убеждать, что такой шанс упускать нельзя. И, вмазав со мной за компанию стакан аргентинского «Каберне», стал возбуждённо кричать:

– Мишка, дружище, ты понимаешь, что это такое, это же недвижимость! Ты же, чувак, высшее образование имеешь, сам должен понимать. Дана те жалкие гроши, которые ты получаешь в своей сраной конторе, ни в жизнь хату себе не купишь. Так и будешь с родителями кантоваться или примаком к бабе пойдёшь. А тут мы с тобой сгношим какую-нибудь халупу, и можно будет в выходные уже по разным забегаловкам не шляться. Представляешь, девчонок можно будет приглашать на дачу. А там, сам понимаешь – танцы, шаманцы, обжиманцы и койка в отдельной комнате. Мечта, однако!..

– Какая, к чёрту, отдельная комната, ты хоть представляешь себе, сколько бабла надо, чтобы дом построить? Да только на скважину, чтобы чистая питьевая вода была, нужно штуки три баксов выкинуть, про систему канализации я и не говорю. А электрика?.. Только одно подключение к электрическим сетям, как я слышал, тысяч пять «зелени» стоит, а там ещё проект надо, согласования разные, одним словом – мрак. Нет, брат, я даже такой штуки, как подводку к участку электричества, не потяну. А без света, воды и туалета с ванной какую девчонку ты сможешь на эту дачу заманить?

– Не ссы, Мишань! Тут главное, как учил нас «кэп» – в бой ввязаться, а там – прорвёмся. Смотри: на пару дней воду и с собой можно привезти, вместо клозета и биотуалет прокатит, а он всего три тысячи стоит, не больше. Душ можно сделать из железной бочки, поставим её на швеллера, обтянем непрозрачной плёнкой, и все дела – на летний период сгодится. Я тебе такую конструкцию часа за два сварю. Что касается электричества, то здесь тоже есть вариант, а именно бензогенератор. На счастье для будущих наших дам, я являюсь твоим другом, и у меня есть возможность этот генератор хапнуть. Ну, конечно, не насовсем, но попользоваться можно.

– А что, в вашей шарашке ещё не всё растащили?

– Обижаешь, начальник. Это у вас в госструктуре всё воруют, а у нас частное предприятие, и какой-никакой порядок с материальными ценностями имеется.

– Ага, имеется! То-то ты для Димыча чуть ли не полтонны стальных уголков из своей конторы уволок. Помнишь, оба выходных в клубе зависали – всё обмывали эту операцию?

– Так это стройматериалы, и они за счёт заказчика, а к нашей бухгалтерии это не имеет

никакого отношения. Я работу сделал, качество хорошее, и заказчик доволен, а что сэкономил материал, так это мой личный навар. Наш босс на такие дела смотрит сквозь пальцы. Как говорится, пусть конструкция стала немного полегче, зато упитаннее и мускулистее народ.

И Сергей поиграл у меня перед глазами своими бицепсами на правой руке. Ухмыльнувшись и нацедив себе ещё полстакана «Каберне» из трёхлитрового тетрапака, он продолжил:

– С оборудованием у нас совсем другой коленкор, каждая единица за кем-нибудь числится. И нужно по первому требованию её предъявить, а то, сам понимаешь, что может быть. Придут ночью здоровые ребята и начнут горячим утюжком тебе голое брюхо разглаживать. Но суть не в этом, а в том, что за мной числится, кроме всего прочего сварочного оборудования, и бензогенератор. Не знаю, на кой чёрт его закупили для моей бригады, всё равно ведь не пользуемся, но он есть. Стоит в заводской упаковке у меня в каптёрке и только место занимает. Мы, если где на объекте – то или газом или САКом работаем. САК, он гораздо мощнее этой «вшигонялки», любым электродом сработает, а с этим генератором можно максимум только «тройкой» варить. Хотя, конечно, генератор – вещь хорошая, богатая. Я специально в магазинах смотрел, такой около пятидесяти тысяч стоит. У него мощность шесть киловатт и к тому же без всякого трансформатора можно варить прямо от него.

Серёга немного лукавил, когда говорил, что стоящий у него в каптёрке бензогенератор совершенно новый. Я хорошо знал этот аппарат, ведь именно его мы часто брали, когда занимались «шабашкой». Эта деятельность в летний период занимала у нас практически все выходные и отпуск. Не то чтобы работа на чужих дачах нас сильно обогащала, но позволяла в холодные и мерзкие времена чувствовать себя ребятами хоть куда, которые вполне даже могли распустить хвост перед девчонками.

Кстати, ради таких летних заработков я и эту подержанную «Газель» купил, всё-таки какое-никакое, а средство перемещения. Без грузовичка в нашем деле не обойтись. С ним мы настоящие предприниматели, а не какие-то жалкие халтурщики, выпрашивающие у хозяев дачных участков хоть какую-нибудь работу. А что? Солидные ребята, со всем необходимым инструментом и оборудованием. Давай только задание. Обо всех проблемах с поиском и подвозом материалов, необходимых инструментов можно забыть, да и с размещением их на время работ голова не болит – спят себе в будке, установленной в кузове «Газели», да и всё. К тому же, по отзывам других людей, ребята работают быстро, качественно и не пьют. Да и с ценами на свои услуги не очень наглеют. Так что у нас уже была репутация, и как следствие этого, не было проблем, чтобы летом обеспечить себе приличный фронт работ.

Идейным руководителем был, конечно, я. Серёге по большому счёту вся эта суета совсем не нужна. Если требовались деньги, то он мог получить их в гораздо большем количестве, внеурочно вкалывая у себя на предприятии. Там его ценили и всегда были готовы поддержать рублём. Но «бабки» не главное в жизни! Для Серёги гораздо важнее была дружба, ведь своим участием он помогал и мне зарабатывать дополнительные средства. Без нашей «шабашки» я был бы совсем на мели.

Зарплата после окончания института была копеечная, а на хорошее жалованье хрен возьмут. В госструктурах все тёплые места были уже забиты, а в частном секторе молодые и не очень грамотные экономисты совсем не нужны. Поэтому я и работал в одном из НИИ, рассчитывая сметы на проектируемые дороги. Перспектив никаких, вот и пытался хоть

каким-то образом наладить своё дело. В мечтах я видел себя хозяином преуспевающей строительной корпорации, а правой рукой у меня был Серёга. А что? Как мне казалось, я для этого вполне подходил! Возраст 24 года, высшее образование – закончил МАДИ по специальности инженер-экономист по строительству. А самое главное – здоровье и страстное желание разом вырваться из заколдованного круга, куда загнали меня собственная лень и юношеский пофигизм.

Лёгкое отношение к жизни было у меня ещё со школы, где мы и сдружились с Сергеем. Оба были ребята хоть куда – спортивные, достаточно сообразительные и коммуникабельные. Никогда не лезли за словом в карман и в случае чего всегда готовы были помахать. А уж чтобы весело провести время, в этом деле мы всегда в первых рядах.

Я, довольно высокий, мускулистый брюнэт, всегда нравился девчонкам. Белобрысый и шепутной Серёга тоже вполне был популярен среди противоположного пола, но сам на этот счёт имел другое мнение. Он в те времена болезненно пестовал свой комплекс, а именно то, что имеет уж очень длинный нос. Конечно! Все в классе обзывали его «Слоном», а нос именовали хоботом. Серый часто срывался по этому поводу и сразу лез в бочку, с намерением набить морду обидчикам. Так как я всегда его поддерживал, то и мне приходилось часто ходить с синяками. Всё это продолжалось до восьмого класса, а потом, наверное, под воздействием частых драк и их последствий, мы записались в секцию бокса. И через полгода все наши обидчики заткнулись, но мы не бросили своих занятий, а, втянувшись в это дело ещё с большим пылом, продолжили свои тренировки.

К окончанию школы нос Серёги уже не являлся самой примечательной частью его внешности. Гораздо больше бросались в глаза его накачанность, светлые волосы и довольно высокий рост (183 сантиметра). Он в одиннадцатом классе обогнал меня на целых два сантиметра. Хотя раньше был гораздо ниже и слабее меня.

После получения аттестатов мы ринулись покорять приёмную комиссию МАДИ. Но так получилось, что я набрал проходной балл, а Сергей нет. И самое смешное, что поступать в этот институт меня завлёл Серёга. Он просто влюблён был в автомобили и считал, что если он окончит МАДИ, это позволит ему быть к ним ближе. Мне же эти железяки были абсолютно пофиг, больше интересовали цифры и манипуляции с ними. Вот поэтому мы с ним подавали документы на разные факультеты, я на экономический, а он на автомобильный транспорт. Наверное, из-за этого наши пути временно и разошлись. Он завалил один экзамен, а я, как обычно, проскочил все на ура. Серёга был слишком прямолинеен и честен, а я всегда держал нос по ветру и прекрасно умел списывать. Если бы мы сдавали вместе, то я наверняка смог бы слямзить материал и по его вопросам.

Но разговор не об этом. По причине провала поступления Серёги в институт в мае я уже провожал его в армию, а после крутился в этой жизни больше года один. В основном, конечно, развлекался, ну иногда, правда, чтобы добыть средства на свою разгульную жизнь, приходилось и подрабатывать. У родителей зарплата была не очень большой. Кормят, дают бабло на проезд, и то слава богу. Так уж получилось, что у бати один хороший знакомый занимался строительным бизнесом, вот он меня иногда и пристраивал в какую-нибудь бригаду. Хорошим специалистом я, конечно, не стал, но зато научился работать руками.

Когда Серёга пришёл из армии, я и его пристроил в эту строительную фирму. Тем более на службе он обучился сварным работам и командному тону в голосе, эти его способности оченьгодились строительной фирме, и буквально месяца через три его назначили бригадиром «сварных». В бригаде у него работали одни узбеки, которых он гонял как

сидоровых коз. Вот так мы и жили несколько лет, до того времени, пока я не закончил институт. Мы ни о чём серьёзно не помышляли, а заработанные деньги легко просаживали в клубах да на вечеринках у друзей.

Впервые задумался я о будущей своей жизни только тогда, когда попал по распределению в проектный институт. Мне уже через месяц работы стало ясно, как крупно я попал со своим высшим образованием. Я, иногда подрабатывая, получал больше денег, чем пересчитывая ежедневно с утра до вечера ненавистные мне сметы. Нет, такая жизнь не для меня, нужно поднимать свой ленивый зад и затевать какое-нибудь новое дело. Так как я уже немного начал разбираться в строительстве и ремонте, то и размышления мои пошли по пути организации подобного рода конторы. Но одним хотением дело не сделаешь, нужно было провести хоть какую-нибудь подготовку. Вот этим я и занялся.

Во-первых, соблазнил открывающимися перспективами Сергея. Во-вторых, мы с ним уже всю следующую зиму и весну вкалывали как черти, копя на «Газель» и необходимые инструменты. За это время ни разу не заходили в клуб или пивнушку. И вот к майским праздникам у нас набралось почти триста тысяч рублей. После чего я развил весьма бурную деятельность и уже в течение месяца освоил всю эту сумму, закупив подержанную «Газель» и целую кучу инструментов. Благо в моём отделе меня начали использовать как курьера, поэтому времени свободного было много, да ещё и проездной бесплатный.

В этом же мае на производственной базе Серёгиной конторы мы сгношили для «Газели» кунг и уже в июне начали нашу строительную деятельность. Кунг, помимо того, что служил нам жильём и складом инструментов, использовался ещё и для перевозки стройматериалов. Он одновременно должен был быть лёгким, вместительным и оборудованным всем необходимым для жизни. Поэтому изготавливали мы его с особой тщательностью, с применением самых лучших материалов.

Будка получилась действительно неплохой – вместительной и тёплой. Единственный минус – высотой она была всего 185 сантиметров. Мы головами чуть ли не задевали потолок. Но на минимальную для нас высоту будки пришлось пойти, чтобы облегчить эту конструкцию. Зато была небольшая печь-буржуйка, а значит, проживать там можно было даже при минусовой температуре. Чтобы там можно было проживать и зимой, мы предусмотрели разборную загородку, которая устанавливалась минут за пятнадцать и ограждала отапливаемое помещение от больших внешних ворот. Между двухстворчатыми воротами во всю ширину будки и дверью в тёплое помещение получился небольшой тамбур, где можно было хранить наши инструменты. Разборная перегородка состояла из трёх утеплённых, обитых влагостойкой фанерой щитов, в одном из которых была смонтирована дверь шириной 60 сантиметров. Внутренние стены тоже были из такой же фанеры, а снаружи всё было обито алюминиевыми листами. Утепляли промежутки между фанерой и алюминиевыми листами тем, что нам было послано на халяву. А вернее, сэкономленными материалами, которые оставались от выполняемых Серёгиной конторой работ. Это касалось не только утеплителя. Таким образом, вся эта красота встала нам не больше десяти тысяч рублей, да и то наибольшая сумма была потрачена на печку. Тёплым мы делали этот передвижной дом специально, чтобы продлить нашу шабашку до глубокой осени.

Так как я для перевозки досок брал «Газель» с удлинённым кузовом, то и нашу будку мы сделали длиной почти четыре метра. Ширина её тоже была продиктована размерами кузова и получилась немногим меньше двух метров. Наибольший вес в нашей конструкции имел металлический каркас, на который и крепились все остальные детали. Больше всего сил,

времени, да и здоровья мы потратили на пол, который сделали из лиственницы. Половой брус пришлось буквально выпрашивать у бригады, которая занималась монтажом бань-саун. Понадобилось инвестировать в эту бригаду литра три водки и потом ещё пива для себя, на опохмелку.

Наш кунг имел ещё одно большое достоинство. Его можно было в течение получаса снять с «Газели» и установить на землю, чтобы полностью освободить кузов для перевозки материалов. Это позволяло нам в том случае, если предстоял большой объём работ, стационарно разместить своё жилище и использовать «Газель» на все сто процентов. Но всё-таки, как мы ни мудрили, весом кунг получился почти в полтонны. Над вопросом быстрого снятия кунга я думал пару вечеров. Наконец, идея пришла, и была воплощена в жизнь с помощью подручных материалов и оборудования.

Всё было очень просто – две трубы устанавливались на П-образные швеллеры, а между собой они соединялись двутавровой балкой. По ней бегала каретка с закреплённой талью. Все трубы и нижние швеллеры были одной длины 3,5 метра. К двум швеллерам по центру были приварены отрезки труб. Диаметр у них был чуть меньший, чем у длинных труб, таким, чтобы на них могли спокойно вставать наши стойки. Вся конструкция чем-то напоминала виселицу, мы так её и называли. Несмотря на своё жуткое название, эта система очень неплохо выполняла свою роль. Она быстро собиралась, потом, в промежутки между стойками заезжала «Газель», кунг цеплялся к тали и приподнимался. Затем «Газель» выезжала уже с пустым кузовом, а кунг опускался на землю. Всё, после этого в нём можно было неплохо жить – кунг превращался в строительную бытовку.

Так как у меня были грандиозные планы, то нашу «виселицу» я хотел использовать ещё и как кран. Поэтому таль купил большой грузоподъёмности, аж в три тонны. Теперь можно было не мучиться, разгружая тяжёлые предметы. А чтобы аккуратно снять с «Газели» не очень тяжёлый предмет (до 250 килограммов), можно было обойтись и одной стойкой. Она большими хомутами крепилась к раме «Газели», а сверху на трубу надевалось что-то типа крановой стрелы, с прицепленной к ней всё той же талью. Эту конструкцию я испытал, развозя тяжёлое оборудование по объектам Серёгиной конторы. Денег за это мне практически не платили, но зато терпели нашу работу на производственной базе фирмы, да и списанные материалы выделяли практически без разговоров.

Помню, как-то раз я перевозил компрессор на один из объектов фирмы – таунхауз в ближнем Подмосковье. Была суббота, и вышла заминка с автокраном. Прораб из-за этой задержки очень нервничал и уже собирался сгонять всех своих узбеков для ручной разгрузки этой 250-килограммовой «дуры». Но я очень гордо ему заявил:

– Ладно, Петрович! Если подкинешь мелочишко на молочишко, я тебе сам в лучшем виде сниму этот компрессор. И это получится быстрее, чем ты будешь бегать за своими работягами.

– Да ладно свистеть, Мишань! Ты хоть парень и здоровый, но не чемпион же мира по тяжёлой атлетике. Даже если и чемпион, всё равно сдёрнуть эту «дуру» из кузова и при этом ничего не повредить просто невозможно.

– Не веришь? Ну, давай тогда на «пятихатку» поспорим, что в течение двадцати минут я в одиночку этот компрессор разгружу из кузова и при этом ничего не сломаю.

Мы поспорили, и я начал действовать – в течение десяти минут установил свой кран, зацепил кошками за раму компрессора, и через пять минут он был уже на рогле, которая стояла рядом с «Газелью». Оставшиеся пять минут у меня заняла разборка крана и укладка

его деталей в кузов.

Да-а! Лицо Петровича после этого нужно было видеть. Я до глубины сердца поразил этого заслуженного строителя, и он безо всяких разговоров протянул мне пятьсот рублей. Но самой интересной была не реакция прораба, а отношение к этому случаю двух узбеков, которые должны были на рокле транспортировать этот компрессор к месту проведения работ. Так вот, они совершенно не удивились моему крану. Не понимая нашего разговора, приняли всё это как должное. Наверное, посчитали, что в России все грузовики обладают такими механизмами, облегчающими ручной труд.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что подготовились мы к нашей будущей деятельности весьма основательно. Может быть поэтому, наша шабашка началась весьма успешно. До ноября нам удалось отбить стоимость «Газели», и на зиму мы ушли весьма обеспеченными ребятами. Наверняка до весны этих средств нам хватило бы для безбедного существования. Но в январские праздники произошёл тот незабываемый разговор с Серёгой, и вектор нашей дальнейшей деятельности круто изменился. Было решено, что я всё-таки становлюсь землевладельцем, а на участке мы начинаем обустривать наше логово.

Залезть в ярмо дачника я согласился не только из-за перспективы получить место для приятного времяпровождения, о котором так мечтал Серёга. Но прежде всего для оборудования на этом участке земли нашей собственной производственной базы. Не могли же мы вечно пользоваться милостью Серёгина начальства. Тем более если у нас пойдут дела и придётся увольняться с прежних мест работы. В моих мечтах этот участок представлял почти точной копией производственной базы Серёгиной фирмы. А что? Земля была на окраине деревни, и там можно было строить дом для постоянного места жительства. Это тебе не дачный кооператив, где просто «шанхай» какой-то, и соседи за «можай» загонят, если не будешь так же, как они, стоять кверху задом над грядками. А тут всем пофиг, что творится на твоём участке.

После нашего обоюдного решения закрутилась свистопляска по оформлению этого участка. Только в сказках, наверное, всё получается по щучьему велению, а тут несколько месяцев пришлось изрядно побегать, щедро выстилая дорогу к светлому будущему тысячными купюрами. Кровопийцы-чиновники быстро высосали остатки наших «бабок», заработанных непосильным трудом. Но, слава богу, всё плохое когда-нибудь кончается. В июне я всё окончательно оформил и фактически стал владельцем участка земли в Чеховском районе. Что бумаги все были на деда, это ерунда, немного денежек – и дарственная в кармане. Но с этим я пока торопиться не стал. Во-первых, наши денежные ресурсы подошли к концу, а во-вторых, дед с бабулей проживали в Чехове, и через местные ветеранские организации можно было получить какие-нибудь ресурсы для строительства дома. Я хитрый и предусмотрительный.

Так как средства закончились, то пришлось притормозить обустройство нашего логова, и мы с прежним пылом начали заниматься шабашкой, конечно, параллельно вкалывая на свои конторы. Но это теперь стало не основным, главным было наше будущее. Для Серёги – это возведение отдельных апартаментов, ну а для меня – создание производственной базы для будущей крутой корпорации, где я был бы президентом с личным сейфом в каком-нибудь банке, плотно набитым «баблом». Но от отдельной комнатки для приятного времяпрепровождения я тоже бы не отказался.

В таком изнуряющем темпе мы просуществовали до второй декады сентября. За это время не имели ни одного дня отдыха – всё работа, работа, работа... Но, наконец, последний

объект был закрыт, и двадцатого сентября мы подсчитывали наш капитал. Наличности осталось, конечно, очень мало, но зато мы закупили нужные для дачи инструменты и даже некоторые материалы. Например, взяли не самую дешёвую бензопилу, а также на распродаже две стометровые бухты отличного электрического кабеля.

Но самая главная причина того, что осталось так мало денег, это неудача с нашим самым крупным заказчиком. Мы работали на отделке его дома почти три месяца, а в итоге наличности не получили, больше того, самим пришлось оплачивать труд приглашённых на черновую и подсобную работу узбеков. Но мы были не в обиде, потому что хозяин этой дачи вместо денег передал нам мини-трактор с набором разных подвесных орудий труда. Когда я в Интернете посмотрел, сколько стоит этот «Авант-420», то вопрос с оплатой наличными сразу отпал. Он стоил больше миллиона, а если вместе с навесными примочками, то и все два. Получалось, что этим бартером хозяин перекрывал наш договор больше чем в два раза. Пускай механизм был и не совсем новый, но использовался он совсем мало. Это сразу можно было понять по навесному оборудованию. Следы эксплуатации были видны только на фрезерном культиваторе, лебёдке, отвалу и сенокосилке. Навесной экскаватор, ковш с саморазгрузкой, челюстной захват и захват для брёвен были ещё в заводской смазке. Кроме всего прочего, на «Аванте» был переходник, чтобы передавать крутящий момент на другое внешнее оборудование.

Одним словом, в свете моих планов по организации строительной фирмы это была золотая вещь. Этим маленьким монстром можно было заменить целый парк механизмов. Кстати, он по документам назывался мини-погрузчиком, а не трактором, как называл его бывший хозяин. Когда он предложил нам такой бартер, я поинтересовался:

– Иван Дмитриевич, а почему вы хотите нам отдать такую дорогую вещь?

Несколько погрузнев, он ответил:

– Эх, Миша!.. Да знаю я, что он стоит бешеных денег!.. Но не для меня этот агрегат. Купил этот трактор мой зять, а через полгода автокатастрофа, и двое детей остались без отца. У него была куча планов, а вон, видишь, как получилось. Видно, не судьба!.. Управлять этим трактором очень просто, но обслуживать его – это я пас. Тут нужно быть хоть каким-нибудь специалистом, а я даже на своей машине масло меняю только на станции техобслуживания. Вот я и подумал, что лучше этот «Авант» отдать в хорошие руки, чем тратиться на техобслуживание. А что дешёво его оценил, то это как сказать. Если продавать по объявлению, запросто могут обмануть старика, а мне ещё двух внуков поднять нужно. Вот и дачный дом для этого реконструирую.

Иван Дмитриевич замолчал и о чём-то задумался, а мы, чтобы он, не дай бог, не изменил своего решения, направились загружать «Авант». Дело это было непростое, пришлось мастерить мостки, чтобы погрузчик своим ходом мог въехать в нашу будку. Кроме этого, потребовалось там основательно прибраться, а то многочисленное навесное оборудование могло и не поместиться в наш кунг. Пока Сергей с четырьмя узбеками разбирали нашу двухъярусную лежанку и пристраивали вдоль глухой стены другие вещички, я с большим интересом изучал документацию на этот агрегат. Меня очень порадовали его характеристики, особенно то, что ковшом можно было загрузить груз на высоту 2,8 метра. При этом опрокидывающая нагрузка составляла 650 килограммов. Мощность дизеля была 20 лошадиных сил, вес 980 килограммов. С такой массой, даже приплюсовав вес навесного оборудования, его спокойно можно было перебрасывать нашей «Газелью».

В связи с обретением такого оборудования вместо денег, зима для совладельцев будущей

корпорации предстояла муторная и безденежная. На мою зарплату не погуляешь, оставалось только сесть на «хвост» Серёге, о чём я его честно и предупредил. Поиронизировав по этому поводу, мы всё-таки решили, что эту зиму будем вести здоровый образ жизни, в клубах не зависать, кататься на лыжах, проводя свободное время в нашей загородной резиденции. Но для этого нужно было её сначала создать. План по воплощению этой идеи в жизнь мы разработали в процессе поглощения двухлитрового «тетрапака» с сухим вином.

Идее о зимних выездах на дачу способствовало и то, что родители Сергея завели собаку. И не просто какую-нибудь болонку или карликового пуделя, а серьёзного пса породы маламут. Эта такая образина с голубыми глазами, которая на Аляске легко таскает нарты с алеутами и спокойно спит в снегу при пятидесятиградусном морозе. Не знаю, как они в московской квартире решились завести такого пса, но теперь Серёгу его родичи постоянно заставляли с ней гулять. И мы были вынуждены брать этого пса даже с собой на шашку. С одной стороны, конечно, хорошо, теперь у нас не было проблем с охраной нашего богатства, а с другой – жрал он, наверное, больше нас обоих. А ещё ему нужны были ежедневные пробежки по пятнадцать-двадцать километров. Одно спасение – отвезёшь его на «Газели» километров за двадцать и всё, можно было в этот день больше с ним не гулять. Не знаю, как, но он нас находил. Прибегал возбуждённый и сразу же поглощал с полведра каши с банкой тушёнки. Серёга назвал его Оззи в честь идола рок-музыки Оззи Осборна, но потом с моей подачи мы его довольно часто называли Озермот.

Так вот, по нашему плану с двадцать третьего сентября каждый брал остающиеся пять дней отпуска, и мы на девять дней выезжали на строительство и обустройство нашей зимней резиденции. Решили особо не мудрить, а использовать то, что есть. А именно – установить на участке наш кунг, пристроить к нему лёгкую веранду и накрыть это всё общей крышей. Кроме этого, оборудовать там в конце концов клозет, совмещённый с душевой кабинкой. А именно – вырыть выгребную яму, в которую через пластиковые канализационные трубы поступали бы отходы из санузла и умывальника, установленного на веранде.

Весь этот проект мы нарисовали на обычном листке школьной тетрадки в клеточку, в промежутке между двумя стаканами «сушняка». Во втором промежутке я рассчитал примерную смету, во сколько нам всё это выльется. Ведь кроме этого дома, нам нужно было сварить гараж для нашего трактора. А этот объект тоже ответственный, он должен быть крепким, чтобы ворьё не смогло растащить наши богатства. Ведь там, кроме техники, мы собирались хранить стройматериалы и все наши инструменты.

Так как на сооружение мощной крепости под названием гараж-склад средств явно не хватало, мы решили на охрану этого объекта поставить Оззи. Тем более что родители Сергея уже поняли, какой опрометчивый поступок они совершили, заведя в московской малогабаритной квартире такую собаку. Уже намекали, что неплохо бы пристроить пса на производственной базе Серёгиной конторы. А зачем же для этого использовать чужую контору, когда у нас тоже есть что охранять? Единственный минус, что в любую погоду нужно было приезжать на дачу, чтобы покормить пса. Но это было не так уж и страшно, мы всё равно собирались часто приезжать в нашу зимнюю резиденцию. А кроме этого, Оззи и сам мог прокормиться на подножном корму, да ещё и накормить своего хозяина. Такая вот собака – умная, выносливая, хитрая и свирепая, когда нужно. Отпугнёт любую банду бомжей, а если те всё-таки рискнут покушаться на хозяйское добро, то, ей-богу, я не завидую этим людям, если даже они будут вооружены. Всё, что находилось внутри периметра забора, было священно, и к этому могли прикасаться только Серёга, я, ну, пожалуй, ещё родители моего

друга. Именно мы были его стаей, а я был вожаком её. Это Оззи усвоил, ещё когда был щенком. Начитавшись разных книжек про животных, я как-то укусил его за нос. После этого он выполнял мои команды беспрекословно. Хотя тётя Маша, это мать Сергея, его и кормила и чуть ли не облизывала, но, наверное, гены ему подсказали, кто главный в этой стае. Животному важно вовремя это показать.

После этого дня обсуждений наших дальнейших планов, началась лихорадочная деятельность. Нужно было на минимальные средства закупить некоторые стройматериалы, сантехническое оборудование и продукты. Занимался этим только я. Серёге приходилось вкалывать без выходных, чтобы его могли отпустить в этот недельный отпуск. Ну а я, как обычно, выполнял в своей конторе роль курьера с высшим образованием и, крича всем, что в Москве огромные пробки, преспокойно закупал на «Газели» нужные нам вещи. Из продуктов взял по оптовой цене ящик тушёнки, коробку сухих супов и по упаковке: гречки, рису, соли, сахару. Одним словом, продуктов, с помощью которых можно было прожить нам, включая Оззи, месяца два. Получалось, что мы были полностью автономны, даже хлеб могли выпекать сами. Для этого я из своего дома собирался захватить хлебопечку и весь запас муки и дрожжей. Кроме хлеба готовить все остальные блюда мы собирались на бензиновой плитке производства США, а вечерами сидеть при свете керосинки. Бензогенератор тоже собирались брать с собой, но использовать его на все бытовые нужды было уж очень накладно. Хлеб ладно, он мог готовиться когда угодно во время нашей работы на электроинструментах. Мощности генератора на это вполне хватало.

Наконец всё было подготовлено и даже загружено в «Газель». Еле-еле всё втиснули, освобождая бокс, выделенный Серёгиной бригаде. Так как грузовичок был теперь хранилищем всего нашего достояния, то на ночь «Газель» мы оставили на охраняемой территории производственной базы Серёгиной конторы. Собирались мы выезжать рано, но как всегда у нас не оказалось нескольких важных вещей. Во-первых, мы оба забыли загрузиться спиртным. А ночи становились холодными, и почему бы после целого дня тяжёлой физической работы на воздухе не пропустить стаканчик горячительного. Во-вторых, у меня дома, у мамани, не оказалось муки и дрожжей. А есть чёрствый хлеб, имея хлебопечку, как-то не хотелось. Поэтому пришлось заезжать в гипермаркет на кольцевой автодороге. А там, как это часто бывает, мы увлеклись и потратили практически все оставшиеся деньги.

Во-первых, решили себя побаловать и купить разных рыбных консервов и сладостей, но самые большие затраты понесли из-за Оззи. В этом гипермаркете была большая распродажа сухих кормов для животных. Вот мы, польстившись на дешевизну собачьего корма, и взяли для Оззи целых семь мешков. Этот сбалансированный корм часто покупала мать Сергея, утверждая, что породистую собаку можно кормить только им или сырым мясом. А Оззи с большим удовольствием пожирал и корм, и мясо, и кашу с запрещённой тушёнкой. Сейчас на распродаже корм стоил почти в два раза дешевле, и было грешно не взять его. Это обстоятельство и нам сейчас очень сильно облегчало жизнь, не нужно было каждый день варить этой псине еду. Сыпанул из мешка в Оззину миску этих гранул, и всё – собака накормлена. Одним словом, у нас осталось совсем мало денег. Хватало только на материалы для строительства веранды, а также заправить «Газель» и залить бензин в три канистры, чтобы кормить наш бензогенератор.

Вот так у нас и получилось, что после посещения заправки мы выехали на дорогу, ведущую к участку, только к двум часам дня. А тут нарисовался такой облом – еле ползущий впереди трактор собрал за собой целую вереницу машин. Впереди катили КамАЗ, загруженный стройматериалами, потом фура-МАЗ, с выглядывающими из опущенного заднего борта металлоконструкциями, затем ВАЗ «Калина» с каким-то неопытным водителем, а замыкали всю эту вереницу мы на «Газели», везущей тонны две груза, если не больше. Один погрузчик с навесным оборудованием весил намного больше тонны. Явный перегруз «Газели» – тут уж не до скорости, лишь бы доползти до дачи. Неприятно, конечно, так тащиться, но делать было нечего, оставалось только скрежетать зубами и материться про себя. Чёрт, придётся сегодня работать при свете прожекторов, и наша задумка – отметить как следует приезд, похоже, накрывается «медным тазом». Хорошо хоть, что по моему настоянию мы захватили с собой четыре стоваттных прожектора. А то ещё в Москве Серёга нудел:

– Парочки прожекторов за глаза нам хватит! Ты что, ночами работать хочешь? Уймись, маньяк, трудоголик несчастный! Ночью будем спать, а вечерами я тебя буду драть в «гусарика»! Нужно умело совмещать работу и отдых на даче. Не зря же говорят – от работы и кони дохнут! Ты же у нас экономист и должен понимать, бензин нынче дорог и амортизацию генератора нужно учитывать.

А сейчас вон сидит молча – понимает, что я как всегда оказался прав. Что это он там всё время разглядывает? Даже Оззи от окна отпихнул.

Я уже хотел заступиться за пса, которому не дают высунуть морду в ветровое стекло, как вдруг Сергей буквально подскочил на пассажирском сиденье и воскликнул:

– Нет, Мишань, ты посмотри, какие красотки! Просто персики, а не девки! Хочу к ним в «Калину», а ты тут с Озермотом развлекайся!

Удивлённо взглянув на Сергея, я ответил:

– Ты что, ходячий рентгеновский аппарат? Где ты там увидел девчонок?

– Разуй глаза, сосунок, – вон, видишь, впереди едет «Калина»? Так она вся набита «кисками». Просто какой-то торт на колёсах!

Не отвечая, я прибавил скорость, чтобы поближе подобраться к едущей впереди «Калине». Всё-таки интересно было посмотреть, что там увидел Серёга. До этого я держался подальше от этой легковушки, так как водитель у неё явно был не в адеквате. Постоянно дёргался с намерением обогнать впереди идущий трейлер, но потом трусливо влезал обратно на своё место.

Подъехав поближе, я так ничего толком и не разглядел. Сильно бликовало на солнце заднее стекло. Увидел только силуэты трёх человек, едущих в салоне, и всё. Поэтому, сплунув с досады в открытое боковое окно, и заявил Сергею:

– Нет, ну точно, Слон, у тебя вместо хобота отрос сканер. Нормальный человек хрен что разглядит в этой тачке.

– Ну, ты и тормоз! Ещё раз говорю, разуй глаза. Да не пялься ты в заднее стекло. Когда будет очередной поворот, сбоку на эту машину посмотри и увидишь, в ней сидят три потрясные девчонки. Когда мы крутились на этом серпантине, та, что за рулём, так на меня посмотрела... Они явно не прочь с нами познакомиться. А одна из них, похоже, просто

дразнит меня. Нет, Миха, нельзя их упускать, будем висеть у них на хвосте, пока не остановятся. А там – на штурм!

– Да, так они и растаяли при виде наших с тобой рож! Сам видишь, бабы они прикинутые, а тут – какие-то работяги на раздолбанной «Газели». Вряд ли мы их заинтересуем. Вот если бы мы на «мерсе» катили, это да, это для них интересно.

– Не ссы, Мишань, мы с тобой ребята хоть куда! Ты вон, чел с высшим образованием, легко на одной руке подтянуться можешь, а я им «солнышко» на турнике покручу, так что возьмём их своей потрясной физической формой, да и уболтаем мы этих фемин за милое дело. Сердцем чувствую – дело верное, упускать их нельзя, тем более у нас в машине буханины – выше крыши. Одного сушняка шесть литров и две бутылки коньяка. Упоим вусмерть девок, а потом – делай с ними что хошь. Правда, их трое на нас двоих, но это ничего, одна будет с Оззи гулять. Ха-ха-ха! Да если хочешь знать, если бы эти девчонки ехали на какой-нибудь крутой тачке, я даже и не подумал с ними знакомиться. Сразу ясно – или богатые любовники, или папочки крутые. А тут – едут на «Калине», нормально, по-нашему. Светофор горит только зелёным цветом. Путь открыт, вперёд, мужик, там ждёт тебя счастливая судьба!

– Ладно, оптимист ты наш, поверю на слово! Всё сразу станет ясно, когда трактор освободит дорогу. Если мы для них явились только картинкой – два весёлых танкиста и собака на скучной дороге, то они на легковушке в два счёта смогут от нас свалить. Дунут так, что мы их только и видели. Ну, а если ты смог их серьёзно заинтересовать своей заметной физиономией, то позволят нам висеть у них на хвосте до самой их дачи. Но запомни, Слон, если они свалят, мы с тобой приезжаем и работаем сегодня до упора, пока всё не разгрузим и не установим на землю кунг. И ещё придётся собирать наши лежанки и всё обустраивать.

– Ха!.. Естественно, по-любому, нам придётся это сделать. Если мы сегодня с ними и познакомимся, они нас у себя точно не оставят. Просто обменяемся телефонами и на завтра пригласим их к себе на дачу. Мы же всё-таки тоже землевладельцы. Поэтому придётся пахать всю ночь, чтобы оборудовать приличную конуру. Завтра чуть свет тебе нужно будет ехать на строительный рынок, купить там досок для веранды и профилированную оцинковку на крышу. Если всё шустро сделаешь, мы сможем этих девчонок шикарно принять вечером уже в двух отдельных комнатах. А там уже вступит в силу план алкогольной атаки.

И мы приступили к обсуждению наших наполеоновских планов. Серёга был весьма возбуждён, да и у меня в предчувствии предстоящих событий пульс участился. Хотелось прямо немедленно приступить к делу и смело брать на abordаж впереди идущую «Калину». Я настолько увлёкся нашими бреднями, что уже мало обращал внимания на окружающую обстановку на дороге, тем более что скорость у нас была всего 18 километров в час. Вдруг как-то резко потемнело, и я инстинктивно стал жать на педаль тормоза. Не успел я дожать тормоз, как у меня помутнело в глазах, и я потерял сознание.

Очнулся тоже неожиданно, скорее всего, из-за чувства холода. Всю дорогу мы ехали с распахнутыми ветровыми стёклами, так как на улице было почти по-летнему тепло, а одеты мы были, как и положено, в сентябре, только что куртки были повешены на крючки в салоне. А теперь заметно похолодало, по ощущению, чуть выше нуля, хотя и ярко светило солнце. Наша машина стояла заглохшая, уткнувшись передним бампером в какую-то кучу на поле. Я недоумевающе огляделся. Взгляд уперся в находящийся метрах в пятидесяти перед носом «Газели» ледяной вал. Ледяные глыбы толщиной в метр образовывали стену вдоль всей доступной взгляду узкой полоске пшеничного поля. За этим ледяным валом, до самого

горизонта, было всё белым-бело. Глазам стало больно от отражённого от этой снежной или ледяной поверхности солнечного света.

Я перевёл взгляд на асфальтовую дорогу, по которой мы до этого ехали, – открывшаяся мне картинка ужаснула. Это был полный коллапс. Первым делом удручал вид трейлера. Было такое впечатление, что какая-то невероятная сила подняла МАЗ в воздух, а потом резко бросила на землю, повернув набок. При этом его длинный полуприцеп вылетел из седла и снёс треть кабины МАЗа. Правая задняя колёсная пара этого полуприцепа была приподнята и опиралась на капот «Калины».

Эта невесёлая картина меня заметно отрезвила. Я не стал разглядывать, что произошло с передним КамАЗом и трактором, а начал действовать. Сначала пришлось приводить в чувство Серёгу. Я выхватил из аптечки нашатырный спирт, отпихнул Оззи от Сергея и поднёс резко пахнущую жидкость к его лицу. Не знаю, что помогло, бурно выражающий свои чувства к хозяину Оззи или мои усилия, но Сергей практически сразу очнулся. Приподнял голову и посмотрел на меня. Вид у него был довольно страшный, всё лицо было в потёках крови. Он здорово приложился носом, боднув лицом переднюю облицовку как раз там, где находился бардачок. Мне помешало удариться о приборную доску руль и то, что я, как это обычно бывает с водителем, всё-таки успел сгруппироваться в момент катастрофы. Если бы не наша маленькая скорость, то наверняка Серёга бы головой выбил лобовое стекло и сейчас валялся где-нибудь под колёсами «Газели». Ну а я висел бы с проломленной грудной клеткой на руле. Ведь мы совсем расслабились и ехали не пристёгнутые ремнями безопасности. Очнувшийся Серёга, даже не оглядевшись, сразу потребовал рассказать, что случилось. Вместо объяснений я ткнул пальцем в сторону, где находились исковерканные автомобили.

Несколько мгновений мой друг вглядывался в этот кошмар, потом встрепенулся и крикнул:

– Миха, да что же это такое? Там же в «Калине» девчонки!

– Не ори, псих! Ты что же, хочешь голыми руками их оттуда вытаскивать? Иди вон, быстро открывай будку, там ломик и топор. Помнишь, ты их сам крепишь к стенке, а я достану монтировку и плоскогубцы и посмотрю, что там в аптечке. Да, и ещё, захвати в будке бутылку коньяка, вдруг пригодится.

Собрал я всё буквально за минуту, а когда вылез из кабины «Газели», Серёга уже шёл ко мне. В руках у него были ломик и топор, а за ремень засунута бутылка коньяка. Мы, глянув друг на друга, не стовариваясь, бегом бросились к месту катастрофы.

Первым к «Калине», конечно, добрался Оззи, за это бедолага и пострадал. Неожиданно задняя левая дверь салона со скрипом распахнулась, и Оззи получил удар по морде. Заскулив, он отпрянул назад, а из салона одна за другой начали выбираться девчонки. Несмотря на ситуацию, они были потрясённые. Ну, уж их фигурки точно, лица-то были все испачканы потёкшей косметикой и следами крови. Но тут уж было не до лиц, а тем более не до разговоров. Подбежав, я тут же вскрыл упаковку влажных салфеток и попытался вытереть лицо первой девушки. Но после первых же довольно неловких моих движений был остановлен возгласом:

– Эй, увалень, поосторожнее!

После чего упаковка с салфетками мгновенно была у меня изъята изящной женской ручкой. И жертва моей неловкости невозмутимо стала приводить в порядок сначала себя, а потом и своих подружек. А нам с Серёгой оставалось только стоять и смотреть раскрыв рты, как эти чумазы создания прямо у нас на глазах превращаются в прекрасных фей.

Наблюдение за этим процессом совсем выбило у меня из головы все вопросы, связанные с произошедшим событием, а также беспокойство о других возможных пострадавших в этой катастрофе. Но жизнь сама напомнила об этом. Потому что совсем недалеко от нас раздались вдруг звуки забористой матерной брани. Я отвёл глаза от прелестных созданий и увидел приближающихся к нам двух мужиков. Лица у них были тоже все в крови, а мужчина, который так грязно ругался, шёл с перекошенным лицом и бережно поддерживал правую руку.

Чтобы как-то оградить уши девчонок от этого отборного мата, я шагнул к ним и выкрикнул:

– Чего лаешься? Совсем голову потерял!

Матерщинник от неожиданности примолк на полуслове, а потом вдруг жалобным голосом произнёс:

– Да вот, с рукой что-то. А-а-а... больно! Мочи совсем уж нет! «Скорую» нужно вызывать срочно, наверное, сломал. У меня с сотовым что-то случилось, молчит, зараза, не хочет соединять. А Василий говорит, что у него сотового телефона в жизни не было. Мужик, позвони в службу МЧС, вызови «скорую», а то, чувствую, скоро опять сознание потеряю. Худо мне, брат!

Да, действительно было видно, что этот человек держится из последних сил. Несмотря на то что на улице было довольно прохладно, со лба у него ручейками стекал пот, оставляя светлые следы на измазанном засохшей кровью лице, которая текла из рассечённой брови и поцарапанной щеки.

Больше не говоря ни слова, я подошёл к этому мужчине и попытался снять с него куртку, чтобы оголить повреждённую руку. Наверняка делал я это очень неловко. Когда сдёргивал рукав куртки с повреждённой руки, он громко вскрикнул, глаза у него закатились, и он начал медленно оседать на асфальт. Я еле успел его поддержать, чтобы головой он не стукнулся о твёрдую поверхность. Вместе с засуетившимся Василием мы уложили этого мужчину на его же куртку, и только я попытался осмотреть эту злополучную руку, как был отстранён женской рукой. А мелодичный голосок, который я уже слышал, снова укоризненно прозвенел в моих ушах:

– Молодой человек, дайте-ка я посмотрю, что за травма.

Я безропотно подчинился, поднялся, отошёл в сторонку и стал наблюдать за происходящим.

Это была очень даже симпатичная блондинка. Она склонилась над раненым и сноровисто маникюрными ножницами стала разрезать рубашку на его окровавленной руке. Рядом склонилась ещё одна девушка, тоже очень милая. Минуты две они осматривали повреждённую руку. Потом блондинка что-то сказала своей подруге, и та, не обращая никакого внимания на столпившихся вокруг людей, бросилась к «Калине» и забралась в салон. Минуты через три она вылезла из салона с каким-то чемоданчиком и опять стремительно подбежала к нам.

Когда чемодан был открыт, я, наконец, понял что это. Это был самый настоящий профессиональный медицинский кофр. Чего там только не было, моя автомобильная аптечка по сравнению с этим медицинским чудом, забытым лекарствами и различными медицинскими инструментами, смотрелась жалким ларьком рядом с гигантским гипермаркетом.

Толпа любопытствующих мужиков всё-таки мешала блондинке, и она, подняв голову и

посмотрев на меня, сказала:

– Ребята, ну что вы тут столпились? Лучше идите, посмотрите, может быть, тут ещё кому-нибудь нужна медицинская помощь?

Слова были абсолютно верными, ведь мы ещё не осматривали другие автомобили, попавшие в эту жуткую заваруху.

Я, опять ничего не отвечая этой девушке, а обращаясь только к представителям сильного пола, произнёс:

– А, что, правильно говорит докторша. Пойдём, мужики, посмотрим, что там творится в других машинах.

И направился к искореженной кабине МАЗа. Если ещё и были пострадавшие, то в первую очередь там. За мной, так и не выпустив из рук ломик и топор, направился Сергей, а когда мы подошли к кабине МАЗа, нас догнал и Василий. Я прибыл к этой кабине с пустыми руками, монтировка и аптечка так и остались в пакете у «Калины», где я пытался помочь девушкам. Но всё это всё равно бы не понадобилось, так же как и инструменты, принесённые Сергеем.

Мы даже и не пытались забраться в кабину, так как помогать там было уже некому. Через разбитое лобовое стекло было видно, что произошло с водителем этого трейлера. Весь салон забрызган кровью, а голова бедолаги была приплюснута и практически оторвана от туловища. Даже смотреть было жутко, а уж чтобы лезть вовнутрь и вытаскивать останки, нет, никто из нас троих делать это не захотел. Нашу солидарную мысль высказал Серёга:

– Ни хрена себе, как парню не повезло! Но нам лучше не дёргаться, пускай спасатели его вытаскивают. У них есть специальные инструменты, мы же сможем вытащить это тело только по частям. За это ни похоронная компания, ни родственники погибшего нам спасибо не скажут.

Я согласился с этими словами и предложил идти осматривать КамАЗ и трактор. Но тут подал голос Василий, заявив:

– А что туда ходить? Нет там никого! «Кировцем» управлял я, со мной больше никого не было. Ну а водителя из КамАЗа девки уже осматривают. Когда я помогал ему выбираться, в кабине он был один. А больше народу взяться неоткуда, других машин я здесь не вижу. Вы же вон из той «Газели»?

Я утвердительно кивнул и произнёс:

– Слушай, Вась, ты же вроде местный и должен знать, где находится местная почта или другая контора, откуда можно позвонить в МЧС. А то у нас чего-то сотовые не соединяют ни с кем, так же как и у мужика, которого ты вытащил из КамАЗа. Может, землетрясение произошло, или ещё, какая хрень, и ретрансляционная вышка накрылась. Если нас так колбасило, то это вполне вероятно. Да и вообще, стряслось что-то непонятное, откуда-то ледяные глыбы взялись, да и пейзаж, как зимой. Ты заметил?

– Ха... заметил! Да мой «Кировец» и напоролся на этот ледяной забор, пробил его и въехал на ледяную корку. Вот только прицеп сорвало, вон он валяется.

Василий показал рукой в сторону лежащего на боку, метрах в ста от нас, здорового тракторного прицепа. Метрах в десяти от него виднелся и трактор К-701. Вдруг, почему-то пугливо оглянувшись по сторонам, Василий почти что шёпотом произнёс:

– Божья кара это! Я вам точно говорю! У меня из кабины «Кировца» видно далеко, так вот, до самого горизонта везде только лёд и снег. Я окрестные места хорошо знаю, а тут – ни одного знакомого ориентира. Отсюда должен быть виден купол Талежской церкви, но его

нет. Только снег и лёд. Это Бог устроил Страшный суд и вместо «гиенны огненной» завалил грешников толстым слоем снега, а сверху, чтобы никто не выбрался, наморозил толстенный слой льда. Вон, мой «Кировец» стоит на этом льду и не проваливается, а вес у него дай боже.

Неожиданно чудной монолог этого испуганного и подавленного человека прервал Сергей. Он хохотнул и саркастическим тоном спросил:

– Эй, проповедник, а почему же тогда Бог нас не покарал? Или, думаешь, мы совсем безгрешны? Так знай, я-то уж точно грешен. Две божьи заповеди нарушал много раз – это прелюбодейство и чревоугодие. Так что, Васёк, не гони туфту, а лучше помоги материально!

Ничуть не смутившись высказанному сомнению, Василий таким же тихим голосом продолжил:

– А ты думаешь, я не грешен? Но, наверное, мы меньше нагрешили, чем те, которые сейчас под снегом. Бог нам даёт шанс искупить свою вину страданием!.. Должны мы пройти через голод и холод, прежде чем нас пропустят в райские кущи. Ведь у нас нет ни запасов пищи, ни тёплого места, где можно было бы отогреться. В кабинах мы сможем отсидеться не больше пары суток, а потом топливо кончится, и всё. Так что, ребята, молиться надо и верить, что Создатель будет к нам милостив и не позволит мучиться очень долго.

Эта убогая философия меня разозлила, надоело выслушивать тупые аргументы этой мышинной позиции, и я ожесточённо выкрикнул:

– Да иди ты в баню, пораженец несчастный! Хочешь сдохнуть, так иди, вон, в свой трактор и там молись! Грешники, мать твою!.. А что животные, тоже грешники? А наша собака, которая сейчас носится как угорелая, нагрешила меньше, чем засыпанные снегом коровы и другие твари? Фу... чистая баба, ей-богу!

Но тут мой непримиримый ожесточённый монолог неожиданно прервался громким смехом Серёги, сразу разрядившим ситуацию. Он даже присел при этом на корточки и колотил себя руками по коленям. Потом так же резко, как и начал, прекратив смеяться, вполне серьёзным голосом заявил Василию:

– Мужик, ты лучше на нас помолись! Мы ангелы и посланы тебе Создателем, чтобы испытать тебя.

Взглянув на меня, Серёга улыбнулся, подмигнул, а потом, обращаясь к Василию, продолжил:

– Вон, видишь «Газель», сейчас я мигом сотворю там тёплое убежище и запасец продуктов. Но за это ты должен будешь беспрекословно выполнять любые желания ангелов и много-много работать!

Сергей вдруг резко вырвал из своей шевелюры волос, надул щёки и одним мощным выдохом направил этот волос в сторону «Газели». Затем несколько раз махнул руками в ту же сторону. Отдышавшись после этих манипуляций, он произнёс:

– Ну всё, Василий, теперь ты, раб Божий, если не хочешь попасть в кипящий котёл со смолой, должен выполнять наши пожелания. И первое из них – не пугать своими бреднями девчонок. А теперь бери, вон, ломик и топор и следуй за нами к подручным ангелам, они помогают ещё одному грешнику. Давай, давай, не тормози, хватай в свои мозолистые пролетарские руки инструмент и – вперёд, к победе над силами зла!

Сергей повернулся и направился к столпившимся над травмированным водителем КамАЗа девушкам. Я пошёл за ним. С секундной задержкой за нами последовал и Василий, в руках у него были ломик и топор.

Пока мы преодолевали эти десять метров, в моей голове с космической скоростью

мелькали различные мысли и факты. И все они были связаны с нашим теперешним положением. Фактов было мало, но все они указывали на то, что мы оказались чёт знает где. Вокруг узкой полосы земли, тянущейся вдоль асфальтовой дороги, лежала покрытая льдом бескрайняя, холмистая пустошь, на которую, видимо, ни разу не ступала нога человека. Сотовой связи не было. А это мы проверили с Сергеем сразу же, как только девушки занялись травмированным водителем КамАЗа. Телефоны не находили сети сотовых операторов. Что здесь можно было подумать? И в мою трезвую голову первой пришла мысль, что тут не обошлось без Божественной воли.

Потом, правда, в голову полезли всякие ситуации, почерпнутые мной из фантастических романов. Например, что две разные вселенные соприкоснулись, и из нашей старушки Земли был вырван клочок тверди и заброшен на какую-то ледяную планету. Громадной массой земного вещества ледяная корка была продавлена, и вокруг нашего островка появились эти ледяные торосы. А значит, дёргаться в поисках выхода бессмысленно. Вся наша жизнь продлится лишь то время, на которое у нас хватит продуктов и топлива. Дополнительных ресурсов взять неоткуда.

Если располагать продуктам, которые находятся у нас в «Газели», на всех их хватит максимум недели на две-три. Но, правда, была некоторая надежда на узкие полоски земли, расположенные вдоль шоссе. Нет, конечно, не на то, чтобы там что-нибудь выращивать. Но собрать еще не собранную пшеницу там было можно. Это, конечно, была смешная надежда, слишком мало было этой пшеницы. Виднелся и кусочек бывшего картофельного поля. Что это было картофельное поле, можно было догадаться по валяющимся кое-где не собранным картофельным клубням. По-видимому, сбор урожая картофеля производился совсем недавно, машинным способом, а вручную никто не потрудился собрать оставшиеся в земле клубни.

Я практически сразу, когда очнулся, внимательно оглядел всю свободную ото льда поверхность. Её было очень мало, в длину максимум метров пятьсот. При этом ширина пшеничного поля, которое находилось справа вдоль дороги, не превышала десяти метров. Несобранного картофеля, по моим прикидкам, не наберётся и пары вёдер. Под топливо можно было использовать, кроме пиломатериалов, перевозимых КамАЗом, штук семь деревьев, росших вдоль обочин этого участка шоссе. Вот и весь наш ресурс. Если мы всё используем на сто процентов, то может быть, месяца два и протянем. Так что все потуги совершенно бессмысленны. И может, прав Вася, что нужно молиться о лёгкой смерти.

Однако логика и всё моё естество отчаянно восставало против этого вывода. Во-первых, вызывало сомнение то, что это чужая планета. Сила тяжести была такая же, как на Земле, воздух тоже. Но если это даже и не Земля, наверняка на ней имеются места с более тёплым климатом, где есть растительность. Что-то должно насыщать атмосферу кислородом. А если судить по качеству воздуха, процент кислорода в атмосфере здесь очень близок к земной, а значит, и растительности здесь тоже хватает. Следуя этой мысли, автоматически получалось, что и животный мир здесь тоже должен быть богатым. Нам просто не повезло, что мы оказались в этой части планеты. Нужно эту ошибку судьбы как-то исправлять. Рогом встанем, но выберемся из этой передраги!

Ещё я подумал, что когда наступит ночь, нужно обязательно оглядеть звёздное небо. Вот тогда-то уж точно станет ясно, находимся мы на Земле или на какой-то другой планете. По солнцу определить это было нельзя, оно было такое же, как и на Земле. Потом мне привиделись мои родители и то чувство отчаянья, которое они испытывают, когда узнают, что их непутёвый сын исчез без следа. А в том, что они живы, и на Земле всё осталось, как

прежде, я почему-то не сомневался.

Вот с такими сумбурными мыслями я подошёл к нашим товарищам по несчастью. Именно так я теперь про себя стал называть всех присутствующих здесь людей. И уже не важно, к сильному или слабому полу они принадлежат. Теперь мы все находились в одной, терпящей бедствие лодке, и от каждого зависело, выплывет или пойдёт на дно наша углая посуда под названием – жизнь.

Наверное, поэтому я начал жадно разглядывать ранее незнакомых мне людей. Пытаясь представить по их внешнему виду, чего можно ожидать в дальнейшем от каждого. Особенно когда они поймут, что помощи ждать неоткуда, что не будет и никакого голубого вертолётa с мешком гостинцев. В первую очередь попытался изучить девушек, и не как объекты плотского интереса, а как партнёров в труднейшем деле выживания.

Да, девчонки были – высший класс, для жизни в цивилизованном обществе, где есть разные бутики, супермаркеты и рестораны. Видно было, что они привыкли нежиться каждый день в пенной ванне, носить чистенькие, красивые, лёгкие наряды. У них были не руки, а прямо какие-то изящные изделия, наманикюренные и холёные, явно не привыкшие к физической работе. Единственным плюсом для моего, теперь очень критического взгляда было то, как платиновая блондинка и миловидная шатенка умело обращались с травмированным водителем КамАЗа. Который, кстати, уже давно очнулся и теперь, сидя на своей куртке, пил чай из железной крышки термоса.

Рядом с ним с двухлитровым термосом в руке стояла ещё одна блондиночка, чем-то похожая на докторшу, но выглядевшая гораздо менее солидно. Она смотрелась очень уж беспомощно и трогательно в своей совсем коротенькой юбочке. Хотя на ней была уже надета кожаная курточка, но чувствовалось, что девушка сильно замёрзла. Вид этой худенькой и такой симпатичной малышки буквально резанул меня по сердцу, мгновенно выбив из головы все прошлые мысли о партнёрских отношениях. Осталась только боль за судьбу этих милых ласточек и желание хоть как-то облегчить их участь.

Поэтому, уже не анализируя своего поступка, я крикнул Сергею, уже солидно распустившему свой петушиный хвост около двух других девушек:

– Слон, давай сюда коньяк!

Получив бутылку, бесцеремонно забрал термос у девчушки и влил туда, наверное, граммов двести коньяка. Потом достал из кармана куртки складной походный пластмассовый стаканчик, налил в него получившийся коктейль и протянул девушке. Водитель КамАЗа, жадно наблюдавший за моими манипуляциями, тут же допил свой чай и протянул пустую ёмкость. Пришлось и ему налить этой смеси.

Раздача амброзии заинтересовала и других девушек, они тоже изрядно озябли, к тому же чувствовали, что здесь творится что-то неладное. Они наверняка тоже пытались звонить по сотовым телефонам, и у них, так же как и у нас, ничего не вышло. Миниатюрные телефоны они всё ещё судорожно сжимали в своих ладошках, забыв спрятать. Девушки подошли поближе, а я как фокусник достал из кармана второй складной стаканчик, одним движением руки встряхнул, раскладывая его, и наполнил получившуюся ёмкость новой порцией горячего чая с коньяком.

После этого я минут пять с удовольствием наблюдал, как, мило морщась, маленькими глоточками все три девчонки пили этот тонизирующий напиток. При этом платиновая блондинка и шатенка пили попеременно из одного стакана. К сожалению, в нашем с Серёгой дорожном наборе было всего два таких стакана. Первым освободил ёмкость водитель

КамАЗа. Он передал стакан Василию, дав ему возможность присоединиться к этому скромному чаепитию.

Когда я по второму разу наполнил девушкам стаканчики, у нас завязалась беседа. Сначала мы все познакомились. Платиновую блондинку звали Верой, ей было, так же как и нам с Сергеем, двадцать четыре года. Она недавно закончила медицинский институт и вместе со своей однокурсницей и сестрой решила провести эти выходные на даче в Поповке. Все девушки были незамужние, и молодых людей у них, по крайней мере, на данный момент времени, тоже не было. Этот вопрос уже каким-то образом успел прозондировать Сергей.

Подругу и сокурсницу Веры звали Наташа. Она была изрядной хохотушкой и производила впечатление довольно бесшабашной девчонки. Вот и теперь постоянно хихикала над шутками Сергея, который с хитрым видом нащёптывал ей что-то на ушко. Парень явно не терялся, уже и приобнял шатеночку, всё ближе прижимая её к себе.

Третью девушку, самую юную и, по-моему, самую красивую, звали Лена. Именно она своей трогательной беспомощностью просто взорвала мой мозг. Заставила почувствовать себя мужиком, ответственным за существование этих незащищенных, изнеженных девчонок. Ей недавно исполнилось девятнадцать лет, она была студенткой пединститута. Готовилась стать школьным учителем химии. Услышав это, я чуть не прыснул со смеху. Мне вспомнилась «химоза» – наш школьный учитель по этому предмету. По сравнению с той «бабищей», гонявшей нас как сидоровых коз, – эта девчушка была ангелом. Общего у них было только то, что обе были женского пола.

Мужчины были вроде бы нормальными ребятами. Конечно, с небольшими странностями, но у кого их нет? Василий, мужичок лет двадцати семи, мягко говоря, был слегка религиозен, и всё произошедшее с нами списывал на промысел Божий. Но особо он на этом не заикливался, так сказать, не бился в религиозном экстазе, проповедуя своё видение ситуации. Сейчас он вполне адекватно со всеми общался и с большим удовольствием потреблял чай с коньячком. Человек он был простой и незатейливый. В общем, такой, каким и должен быть, по моему мнению, обычный тракторист в обычной сельской местности. Несмотря на то что он управлял громадным трактором, сам был худощав, невысокого роста. Даже ниже девушек, самая высокая из которых, Наташа, была немногим выше метра семидесяти. Васёк, как про себя я его стал звать, немного картавил и очень смущался, когда разговаривал с девчонками, несмотря на то что был женат и имел ребёнка.

Водитель КамАЗа, которого звали Виктор, мне сразу понравился. Это был спокойный и рассудительный мужчина. Даже когда он очнулся с такой серьёзной травмой, то смог быстро собраться и из кабины КамАЗа выбрался практически самостоятельно. Василий ему помог только на завершающем этапе. Мужественно он терпел и мои неумелые действия, когда я, пытаясь быстро помочь, резко сдирал рукав куртки с его сломанной руки. Он не издал ни одного звука, а просто от болевого шока потерял сознание. А перелом у него, как потом сообщила Вера, был весьма серьёзный. Вот и сейчас, сидит он вполне счастливый и весело допивает уже вторую порцию моего коктейля, при этом явно пытается развеселить докторшу своими довольно плоскими шутками. Но сначала он немного рассказал о себе. В июне ему стукнуло двадцать шесть лет, не женат, всё искал, так сказать, похожую на Веру девушку и вот, наконец, нашёл. Шутки шутками, но на докторшу он действительно серьёзно запал. Ещё оказалось, что он совершенно из другого региона – из Архангельской области. В Москву с напарником они привезли пиломатериалы. Так вот, он оставил товарища на строительном

рынке вместе с прицепом, а сам повёз клиенту в Талеж заказанный ещё в прошлый их приезд половой брус и четверть. Парень, по всему видно, был работягой, умел заниматься не только своим лесным бизнесом, но, если надо, и пахать как лошадь, работая руками. Чувствовался в человеке настоящий мужицкий характер.

Наше чаепитие и ознакомительно-притирочная болтовня длились минут двадцать. Сигналом к её окончанию послужил и опустевший термос, и начавшийся ветер, несущий за собой капли влаги. Хотя ярко светило солнце, но из-за этого дующего со стороны ледяных равнин ветра становилось довольно неудобно. Мы инстинктивно все передвинулись под защиту корпуса «Калины». Даже Виктор поднялся, накинул на плечи свою куртку и прислонился к корпусу легковушки. Хотя совсем недавно на мой вопрос:

– Ты там не замёрз, сидя на асфальте?

Он бодрым голосом ответил:

– Да ты что? Нам, поморам, такая температура в самый кайф. Вот когда – тридцать, то это да, это серьёзно, а сейчас тьфу... всего-то градусов пять тепла.

– Пять градусов это на солнце, по земле-то ледяной ветерок гуляет. Ты лучше давай вставай, не надейся, что тебя от простуды Вера лечить будет. У неё и лекарств таких нет, сам же слышал, она ортопед, а не терапевт. Если хочешь, чтобы она тобой занималась, то тогда вон вторую руку ломай, можешь и ногу, – но тогда стоять тяжело будет.

Посмеявшись, Виктор всё-таки встал с асфальта. А теперь вместе со всеми передвинулся поближе к легковушке. Но это была слабенькая защита, и тогда я взял на себя смелость принять инициативу по нашему спасению от холода на себя, громким и решительным голосом заявив:

– Хорошо болтать! Давайте-ка, девчата, забирайтесь в салон своей «Калины» и раненого с собой захватите. А мы займёмся обустройством нашего лагеря. Когда придут спасатели – неизвестно, а при таком ветре мы к их появлению точно в сосульки превратимся. К тому же, сдаётся мне, что нам придётся действовать по принципу – спасение утопающих дело рук самих утопающих.

Никаких протестов на мои слова не последовало. Девушки покорно стали забираться в салон автомобиля. Последним туда влез Виктор. Я прикрыл за ним дверь и, обращаясь уже к Сергею, сказал:

– Ну что, Слон, придётся нам здесь наш кунг задействовать. Пойдём заводить «Газель», подгоним её сюда и будем разгружаться.

Повернувшись к Василию, я и ему дал поручение:

– Слушай, Васёк, ты походи вдоль дороги, там возле кюветов валяется много всяких деревяшек. Нужно собрать их все возле этого прицепа, потом пойдут на дрова. А если их будет мало, возьми топор и начинай обрубать нижние ветки у деревьев. Когда «Газель» сюда подгоним и освободим будку, там у нас имеется бензопила, вот мы ей и попилим эти деревья на дрова. Для нашей печки их хватит недели на две, если не больше.

Не слушая ответных слов бубнящего Василия, я повернулся и направился к «Газели».

Моё желание всё сделать быстро, натолкнулось на довольно странную вещь. А если быть более точным, с запуском «Газели» получился полный облом. Аккумулятор почему-то оказался разряжен. Мотор просто фыркнул в ответ на мой поворот ключа зажигания и всё. Плафон освещения салона тоже начал светиться еле-еле. Как будто поворотом ключа я отобрал последнюю энергию у аккумулятора. Да, значит, не только аккумуляторы телефонов подсели, а и мощные автомобильные тоже. Мы с Серёгой обратили внимание на поведение телефонов ещё тогда, когда звонили в попытке вызвать МЧС. После нескольких наборов

номеров телефоны, как мой, так и Сергея, начали показывать, что аккумуляторы разряжены. Из анализа всех этих фактов складывалось впечатление, что аккумуляторы подсели из-за долгого простоя в рабочем состоянии. Хотя откуда простой? Было же полное ощущение того, что потеря сознания длилась всего несколько секунд. Вот же дурак, что же я не догадался сразу потрогать капот «Газели»? Если мы были без сознания столь короткое время, он был бы тёплым. А теперь, конечно, поздно «пить боржоми», на этом ветру движок уже наверняка успел остыть. Да! Ещё одна загадка в вопросе, что с нами случилось.

Но неудача с запуском «Газели» не смогла повергнуть нас в протрацию и печаль. Уж чем-чем, а оптимизмом и верой в свои силы и Сергей, и я были не обижены. К тому же у нас в кунге находился бензогенератор, да и небольшое пускозарядное устройство было. Поэтому вопрос с запуском двигателя «Газели» упирался только во время, которое нам понадобится, чтобы достать генератор и пускач. Мы управились за минут сорок. Столь долго мы ковырялись по одной причине – было решено освободить будку прямо на месте, где стала «Газель» после катастрофы. И выезжать на асфальт с уже подготовленным под заселение помещением. По-любому девчонкам нужно было сидеть в салоне «Калины», пока кунг не освободится. А освобождая его здесь, мы даже сэкономили время, так как у нашего погрузчика, который находился в будке «Газели», аккумулятор тоже сел и лишний раз таскать туда-сюда генератор и пускач это отдать несколько минут на пустое занятие. К тому же выехать облежёнкой «Газели» на асфальт было гораздо легче. А в случае, если она начнёт буксовать, можно помочь ей выбраться нашим трактором.

Рассудив так, мы с Сергеем начали разгрузку нашей будки. Все вещи складывали прямо на землю. Воров опасаться уже не приходилось, а если бы кто-нибудь попытался покуситься на наше богатство, то мы бы его сейчас просто расцеловали от радости, ведь это бы означало, что мы на нашей Земле, а всё произошедшее просто какой-нибудь очередной природный феномен. На тракторе Серёга съехал с кузова своим ходом, для этого у нас были изготовлены специальные мостки. Наконец, будка была освобождена, мотор «Газели» запущен, и я лихо на облежёнкой машине выехал на асфальт.

Лихачил я специально – девчонки и Виктор, не выдержав столь долгого сидения в салоне «Калины», к этому времени уже выбрались на воздух и с большим интересом наблюдали за тем, как мы сначала спускали погрузчик, а потом, как я выехал на дорогу. Подогнав машину почти вплотную к «Калине», я с победным видом вылез из кабины, но, взглянув на нахохлившихся как курочки девушек, опять почувствовал к ним почти отеческую жалость. Мы-то с Серёгой давно согрелись, изрядно вспотев от проделанной работы, а они, кутаясь в свои жалкие, хоть и новомодные коротенькие куртёжки, трогательно жались друг к другу.

Выбравшись из кабины, я нарочито уверенным голосом начал командовать:

– Всё, хватит стоять, представление окончилось, можно немного и погреться. Вон, видите, какую кучу дров Василий собрал, сейчас мы их в печку, и температуру в тридцать градусов я вам гарантирую. Что, не верите? Тогда, если выиграю, с каждой из вас по поцелую!

Увидев подходящего Сергея, добавил:

– И не только мне, но и вон тому парню. Ведь этот замечательный передвижной дом с печкой создан в основном его усилиями.

Серёга, услышав мои последние слова, картинно приосанился, открыл задний борт «Газели», потом одну из половинок воротин кунга и сделал приглашающий жест рукой.

«У-у... зараза, – подумал я, – у нас же есть специальная лестница для подъёма в кузов! Вот, “Казанова”! Не иначе хочет каждую из девчонок собственноручно посадить наверх».

Но вслух я ничего не сказал. И о лестнице не упомянул, а, напротив, и сам поспешил к заднему борту. Уж очень мне захотелось приобнять Лену, подсаживая её в кунг. Не всё же одному Серёге обхаживать таких девушек.

Наконец операция по загрузке самого ценного груза в кунг была успешно завершена. Каждый из нас двоих был весьма доволен. Я – тем, что не упустил из своих цепких рук Лену, а Сергей, что от души пообнимался с Наташей. Правда, я, украдкой кинув на них взгляд, так и не понял, кто кого обнимает. Всех быстрее в кунг попала Вера. Подсаживая докторшу, мы действовали вдвоём, поэтому просто взяли её, легко подняли и быстро поставили в кузов. С её подругой и сестрой дело обстояло гораздо дольше и приятней. Но самое интересное случилось в конце, когда Сергей, победно улыбаясь, отстегнул алюминиевую лестницу от опущенного борта и с гордым видом забрался по ней в кунг. После этого раздался девичий смех, а Вера довольно ехидно произнесла:

– Да, настоящий джентльмен! Но теперь, как я понимаю, условия нашего подъёма сюда можно считать уже перевыполненными. Правильно, девчонки? Эти ловеласы получили гораздо больше, чем наши поцелуи. Да и особого тепла я не замечаю. И вообще, тут даже присесть некуда. Строительная бытовка, какая-то, ей-богу! И куда вы, паршивцы, бедных девушек заманили?

Сергей выпрямился, махнул рукой, как мушкетёр шляпой, и произнёс:

– Минуточку, миледи, сейчас всё будет в лучшем виде. Мы не дадим пропасть одиноким девушкам. Обогреем и приласкаем, если захотят.

Все засмеялись, охотно выпуская из себя ту непомерную тоску, которая начинала нас накрывать. Мы понимали – творится что-то страшное, и наши жизни – просто щепки в этом вселенском водовороте.

Но тут перед открытыми воротами кунга возник Василий и с недоумением уставился на это совершенно неподходящее к настоящему моменту зрелище. Поняв, что словами остановить нас невозможно, он с силой бросил на край кунга целую вязанку хвороста, которую держал в руках. После чего заявил:

– Всё, это последние деревяшки, которые валялись вдоль дороги. Теперь для получения дров нужно будет рубить деревья, потом остаются только пиломатериалы на КамАЗе, и всё. Когда они кончатся, нам уготовлена только участь мамонтов. Конечно, если до этого момента мы не умрём с голоду.

– Опять ты за своё, – возмутился я, – ты же сельский механизатор, а это значит, что не должен ни знать, ни думать ни о каких мамонтах. Посмотри, какие девушки с нами, а тебе лишь бы живот набить. Не бойсь, Васёк, – прорвёмся! Ещё не факт, что мы никого не найдём. Может быть, произошёл какой-нибудь природный катаклизм, и он затронул только этот район. Глядишь, всего в нескольких километрах всё осталось, как прежде. Вот сейчас обогреемся и, пока ещё светло, на твоём тракторе поедem разведывать обстановку. Говоришь, не проваливается он на этом льду?

– Да вроде нет.

– Вот и прекрасно! Тогда минут через тридцать пойдём заводить твоего монстра. Девушки останутся готовить нам обед. Понял, «каркало»? А пока бери топор и подготовь дрова для печки. Чтобы деревянные нормально влезали в топку, они должны быть не больше сорока сантиметров. А мы с Серёгой за это время закончим обустройства нашего жилья.

Этими словами я закончил наше историческое веселье и обозначил хоть какие-то задачи и ориентиры на ближайшее время. Мои слова никто не оспаривал, все в молчаливой форме согласились, что больше по существу нам делать и нечего. Поэтому Василий пошёл рубить дрова, а девушки засуетились, в попытке помочь нам собирать лежанку и перегородку. Конечно, они больше мешали, чем помогали. Виктор же без указаний нашёл себе полезное применение. Он с трудом выбрался из кунга и начал одной рукой подносить нарубленные Василием полешки.

Вся работа по переоборудованию нашей будки в жилое помещение заняла времени гораздо больше, чем запланированные мной тридцать минут, и всё это из-за излишнего рвения девушек к помощи в работе. Пришлось даже раньше времени поручить им растапливание печки. Без перегородки тепло быстро улетучивалось через открытую створку ворот. Но на что не пойдёшь ради сохранения нервных клеток. Наконец, дело было завершено, и мы все вполне уютно устроились в уже изрядно прогретом помещении.

Так спокойно мы сидели и болтали минут десять. Я бы вечно так жил – в теплоте и уюте, попивая с этой приятной компанией чаёк. Но обстоятельства требовали действий, и я, кряхтя, поднялся с боковой складной лавки, надел куртку, хлопнул по плечу Василия и сказал:

– Ну что, механизатор? Пошли заводить твой трактор. Нужно, пока не стемнело, хоть немного обследовать местность. Уже почти пять часов, говоришь. М-да... нужно поторапливаться, сейчас уже в восемь начинает темнеть.

Василий, единственный в нашей компании, обладал механическими часами. Все остальные определяли время по сотовым телефонам, которые, как говорится, приказали долго жить. Система у Василия была довольно интересная – кроме часов на ремешке был вмонтирован маленький компас. Он оказался единственным прибором, по которому хоть как-то можно было определить стороны света. Вся эта конструкция была произведена ещё в советское время и досталась Василию от отца. Несмотря на такое древнее происхождение, по словам владельца, часы обладали завидной точностью.

Из кунга мы вылезли втроем, помогать заводить трактор направился и Сергей. Нужно было перенести к «Кировцу» довольно тяжёлый бензогенератор. Этим мы с Сергеем и занялись, пускач перенёс Василий. Запускали трактор минут десять, в конце концов, он заработал, и я полез в кабину. Сергей оставался здесь, его задача была помочь девушкам приготовить обед. Нужно было обеспечить их большой кастрюлей, столовыми приборами и продуктами. Да, в конце концов, они даже бензиновую плитку не смогли бы разжечь.

В кабине «Кировца» мой взгляд сразу же зацепился за большой транзисторный приёмник «Спидола». Приёмник тоже был старинный и произведён ещё во времена СССР. Василий ещё не тронулся с места, когда я его спросил:

– Слушай, Вась, а эта древность у тебя функционирует?

– А то! Уж этот-то приёмник получше работает, чем те, которыми нас китайцы завалили. Любую волну ловит без искажений, и движок трактора ему не помеха. Я вон, сам сделал адаптер от бортовой сети трактора, и теперь проблем нет с батарейками. Все последние музыкальные хиты и международные новости мне известны. Так что я ещё побольше городских про всё знаю, а ты – мамонты, мамонты.

Не прислушиваясь к разглагольствованиям Василия, я судорожно начал крутить ручку гетеродина приёмника. Но, сколько ни крутил ею и ни щёлкал диапазонным переключателем длины волн, приёмник выдавал только шум атмосферных помех. Никаких признаков работы

радиостанций не было, и это по всем волновым диапазонам. От этого бесполезного занятия меня оторвала только резкая остановка трактора.

Мы стояли метрах в трёхстах от реки, текущей между холмов этой ледяной равнины. Из кабины трактора эта река напоминала широкий ручеёк, пробивающий себе дорогу весной сквозь обледенелое, заснеженное бескрайнее поле. Наверное, целую минуту мы сидели и потрясённо всматривались в эту картину. У меня за это время окончательно испарились все надежды на то, что всё это наваждение скоро рассеется, и мы снова окажемся в привычном нашем мире.

Уже действуя чисто по заложенной ранее программе, я достал бинокль и оглядел всю открывающуюся из кабины перспективу. Но, как и предполагал, ничего нового увидеть не удалось. Так же, как и от места нашего расположения, вид открывался только на бескрайнюю обледеневшую равнину. Этот бинокль был непременно нашим спутником, он входил в комплект, который мы всё время возили в «Газели». В этот же комплект входил чемоданчик с рыболовецкими принадлежностями, надувная лодка, коптилка и два спиннинга. Раньше туда входила и палатка, но после оборудования кунга, я её оставлял дома. Было решено, что теперь на рыбалке мы будем ночевать в нашем передвижном домике.

– Ну, что дальше будем делать? – прервал затянувшееся молчание Василий.

Я оторвал глаза от окуляров бинокля, хмыкнул и ответил:

– Что, что! Дальше разведку проводить будем! Давай по той стороне, где не течёт эта река, объедем наш лагерь. А потом уже будем решать, что делать. Видишь, за трактором следы остаются, значит, вернуться по ним мы всегда сможем, не потеряемся в этом «белом безмолвии».

Трактор действительно своим немалым весом продавливал колеи в этой размокшей снежно-ледяной каше. И всегда можно было вернуться обратно по своим же собственным следам. Но мы всё равно начали объезжать наш земляной остров так, чтобы в бинокль можно было увидеть флаг, поднятый над будкой «Газели». Этот флаг я попросил установить Сергея после того, как мы завели «Кировец». Для этого он должен был использовать стойку нашего крана, а вместо полотнища прикрепить оранжевую жилетку дорожного рабочего, которая валялась у нас в «Газели». Вот так, на грани видимости этого ориентира из бинокля мы и начали объезд нашей «земли обетованной».

Почти два часа у нас занял этот объезд, и, несмотря на готовность возвращаться, как только по осеннему времени начнёт заходить солнце, запланированный маршрут был полностью закончен за светом. Солнце не хотело подчиняться законам времён года. Из этого я сделал вывод, что в этом мире сейчас не осень, а где-то середина лета. Или же это совершенно другая планета, со своими циклическими периодами смены дня и ночи. На наш земной островок мы въехали по часам Василия в двадцать минут девятого, а солнце, хотя и значительно продвинулось по небосклону, было ещё высоко. Примерно так, как бывает в июне. Температура же была только немного выше нуля. Её я контролировал по градуснику, закреплённому на корпусе кабины так, что через заднее стекло можно было увидеть, какая на улице стоит температура. Наверное, это было необходимо Василию в его трудовой деятельности. Пускай дополнительные примочки к оснащению трактора смотрелись довольно смешно, но всё прекрасно функционировало, хотя и использовал он давно не выпускающееся оборудование. А если прямо сказать, меня даже завидки брали, надо же, этим вещам место в антикварной лавке или на свалке, а мужик их прекрасно использует в деле.

Буквально все выбрались из тёплого кунга, когда «Кировец» начал с грохотом пробираться к нему через ледяные торосы, окружающие клочок земной поверхности. Лица у встречающих были настороженные, чувствовалось, что итогов нашей экспедиции ждали с надеждой и плохо скрываемым нетерпением. Когда я вылез из кабины, по выражению моего лица даже самый непроницательный человек мог догадаться, ничего хорошего мы не увидели. Я только подошёл к кунгу и не успел ещё ничего сказать, как Наташа громко всхлипнула и уткнулась в грудь Веры. Продолжалось это несколько секунд. Так как Вера оказалась вовсе не железной леди, она не смогла долго держаться и тоже расплакалась после первых же моих слов. Оттолкнув Наташу, почему-то бросилась в сторону своей легковушки. За ней, всхлипывая, метнулась Лена, последней поплелась Наташа. Они все забрались в салон «Калины» и захлопнули за собой дверь. Как бы говоря – мужикам в эту женскую обитель нельзя. Я ещё подумал: «Ну, наверное, там теперь настоящая бабская истерика. Нужно быть полным психом или моральным мазохистом, чтобы сейчас пытаться успокоить этих фурий. Ничего, сейчас выплеснут истерию, потом будем успокаивать. Словами тут, конечно, делу не поможешь, но ничего, у нас ещё остался коньяк и вина полно. Постараемся упоить девчонок, пусть лучше у них завтра похмельная голова болит, чем сегодня слишком трезвая душа по утерянному миру».

Сам я уже не сомневался, что с прошлой жизнью покончено. И когда рассказывал мужикам о нашей разведке, в голове уже шла непрерывная работа. В мыслях я всё время судорожно пытался скорее найти хоть какой-то выход из этого тупика. Но все обстоятельства нашей реальности говорили о том, что лучше расслабиться и постараться облегчить наши последние дни. Мысленно я разрабатывал методы достойного ухода из жизни. Для себя я сразу же отверг мысль когда-нибудь использовать в пищу человеческое мясо. А это бы обязательно произошло, если цепляться до конца за свою несчастную жизнь. Мне совершенно не хотелось отдавать своё тело на гастрономические нужды братьев, так сказать, по несчастью.

И тогда я решил, когда у нас кончатся продукты, использовать кунг в качестве газовой камеры. А что? Шланг, чтобы присоединиться к выхлопной трубе «Газели» был, оставалось только проделать отверстие в стене кунга, упиться спиртным или каким-нибудь средством из чемоданчика Веры и уснуть под звук работающего мотора. Я представил, как умираю, сжимая в объятиях Лену, и чуть не прослезился. Но, сразу обозвав себя самой худой бабой, смог хоть немного отвлечься от своих мрачных мыслей.

И как только я прекратил разрабатывать эти ужасные планы, кошмар, как это обычно и бывает, отступил, а в дело вступили основные потребности организма. И первую скрипку в этом потребительском оркестре играл желудок. Страшно захотелось хоть чего-нибудь перекусить. Считаю, с самого утра ничего существенного мы с Сергеем не ели. Вот я и поставил этих мрачно смотревших на меня парней в тупик. Наверное, моя первая фраза, последовавшая после довольно продолжительного молчания, никак не ассоциировалась у них с нашим отчаянным положением. И Сергей, и Виктор, видимо, ждали, что я сейчас начну сокрушаться и жаловаться на судьбу-злодейку, которая поставила нас в такое безнадежное положение. Но не тут-то было! Я злым и даже саркастическим голосом спросил:

– Ну что, эти истерички хоть что-нибудь пожрать сделали? А то ездись, ездись по морозному этому дерьму, хрен знает, сколько, приезжаешь, можно сказать, домой, а тут – фыркнули в морду и бегом отправились справлять свой бабский психоз. Небось, вы-то уже

все перекусили, а у нас с Васьком в животах – кишка кишке протоколы пишет.

Может, в другой какой обстановке мои злые и несколько издевательские слова прозвучали обидно для не участвующих в экспедиции ребят, но сейчас они произвели очень даже положительное воздействие. Все мрачные думы о нашем ближайшем будущем теперь переключились на вполне естественные, необходимые вещи. Какие тут, к чёрту, моральные проблемы, когда перед тобой стоят два замученных, голодных мужика.

Когда нас усадили за стол, то даже Виктор со своей травмированной рукой начал смешно суетиться: здоровой рукой подавал столовые приборы и даже попытался помочь Сергею перенести от плитки разлитые в большие тарелки горячие щи. Но был мягко отстранён моим другом, после чего тихо уселся на лежанку и уже оттуда наблюдал, как мы с жадностью поглощали этот вкуснейший супчик. Минут пять в кунге стояла тишина, нарушаемая только мерными звуками клацанья ложек о тарелки. Супа было сварено много, и мы с Василием умяли по две тарелки щей. Когда я уже наелся, то с большим удовольствием стал наблюдать, как Серёга в большом тазике отмывает наши тарелки. Я-то знал, как он не любил мыть посуду, и раньше именно я занимался этим делом. Его обязанностью, как правило, было готовить, а моей убирать последствия нашего пиршества. Но в этот раз я балдел и, развалясь на лежанке, наслаждался послеобеденным отдыхом. Кроме супа, ничего приготовлено не было, но нам с Василием и двойной порции щей вполне хватило.

После того как мы поели, пришлось по второму разу спокойно рассказать о нашем путешествии, подетально, со всеми подробностями. Заметив, что ребята опять стали смотреть угрюмо и о чём-то задумались, я решил высказать идею, которая возникла у меня при виде реки, текущей по ледяной поверхности. Для солидности откашлявшись, я начал толкать свою речь:

– Ну что, мужики, ловить нам, по-видимому, здесь нечего. Вряд ли кто-нибудь тут появится и нас спасёт. Остаётся самим позаботиться о своём будущем. Я вижу только один вариант – воспользоваться этой рекой. По всей логике вещей, река должна впадать в море. По компасу Василия течёт она на юг, а значит, должна впадать в тёплое море, в котором наверняка имеется какая-нибудь живность, а значит, и пища. Хрен знает, куда мы попали, на Землю или на другую планету, но явно это не наш мир и развитой цивилизации здесь нет. Радиоэфир молчит, воздушных транспортных средств нет, и самое печальное, что никаких живых существ я даже в бинокль не увидел. Да и Оззи, несмотря на то что его давно не кормили, не смог найти себе никакого пропитания, хоть и бегаёт всё время по этой ледяной пустыне. Серёг, ты же, как я тебя просил, ничего съестного не давал Озермоту?

– Нет, конечно! Что же, я не понимаю, что только он может найти в окружающей нас пустыне хоть какую-нибудь пищу.

– Вот! Значит, нам по-любому нужно валить отсюда куда-нибудь на юг. Плот из пиломатериалов, напиханных в КамАЗ, я думаю, мы сделаем быстро, единственное, он будет не очень грузоподъёмный, но что делать. Лишь бы на него можно было установить эту будку и захватить с собой кое-какие запасы. Витёк, ты сколько кубов этих деревяшек вёз?

– Всего двенадцать, из них десять кубов пологого бруса и два двадцатки четверти. Только предупреждаю, материал не очень сухой, напилили его совсем недавно.

– Да понял я это уже по его виду! Ты лучше скажи, у тебя там гвоздей или проволоки, случайно, нет?

– Откуда, мы же только деревом занимались!

– А что, у тебя там, в КамАЗе, кроме деревяшек имеется, что может нам теперь

пригодиться? Василий, ты тоже подумай, может быть, у тебя в тракторе или в прицепе что-нибудь интересное имеется? Вот градусник, который закреплён у тебя на кабине, нам сейчас весьма кстати.

Первым практически сразу ответил Василий:

– Мишань, да ты же сам видел, что в кабине лежит. Единственное, что в бардачке ещё бутылка водки заныкана, а так всё – нет там больше ничего. А в прицепе я перевозил материал для постройки бокса на территории хранилища минеральных удобрений. Ну, там, листовое железо, уголки, толстые металлические полосы и проволока для сварки. Ещё в прицепе лежат две десятилитровых банки краски, семь рулонов рубероида и бочонок битума. Кроме этого, «сварные» положили туда своё оборудование – контейнер с двенадцатью баллонами ацетилена и кислорода и газовую горелку с редуктором и шлангами.

Виктор размышлял немного дольше, но видно, это ни к чему путному не привело водителя КамАЗа. Несколько виноватым тоном он произнёс:

– Эх, если бы знать, что ужогу в такую передрыгу! Как нарочно, оставил своему напарнику все запасы продуктов. Единственное, в кузове, заваленные досками, стоят две бочки с солярой и бензопила с парой канистр бензина. Дизтопливо специально приготовили, чтобы хватило на обратный путь. По трассе на заправках покупать очень дорого. У нас дома можно взять солярку гораздо дешевле.

– Слушай, Вить, а топливо не вытечет из бочек, – тут же спросил я, – ведь КамАЗ твой валяется на боку?

– Да нет! Бочки, да и канистры с бензином, теперь лежат на досках, так что раздавить их не может. Пробки завинчивающиеся, и если даже бочки будут внизу, из них ни одна капля не просочится. Если бы дизтопливо вытекало, знаешь, тут какой бы запах стоял.

Неожиданно в разговор вступил Сергей. До этого он внимательно слушал мои разглагольствования и рассказы ребят о перевозимых ими грузах. Серёга, как обычно, начал проверять мои рассуждения на предмет продуманности. Он просто чувствовал, где мои мысли могут быть притянутыми за уши на желаемые результаты. И ударил в самое слабое место моих рассуждений, заявив, напыжась:

– Слушай, стратег, а откуда ты взял, что река течёт на юг? Может быть, она через несколько километров повернёт и потечёт на север! У нас же в России масса рек, которые впадают в Ледовитый океан. Не получится ли у нас из огня да в полымя. Да и кто сказал, что это наша Земля, и компас показывает верное направление. Может быть, тут всё наоборот. Не проще ли не заниматься всякой фигней, городя убогий плот, а прицепить к «Кировцу» наш кунг и дунуть напрямик. Тем более что топливо, кроме этих двух бочек, можно слить из бензобаков опрокинутых грузовиков.

– Очень умный ты, Серёга, как я погляжу! Ты хоть представляешь, сколько жрёт соляры этот монстр. Да нам всего топлива хватит километров на семьсот. А потом что? Хрен сосать, так, что ли! Другая техника по этой целине вряд ли пройдёт. Да и «Кировец» встанет, если встретится водная преграда. Вот представь себе, мы всё-таки доберёмся до берега моря, ну и что. Дальше-то что будем делать, если там нет растительности? Вполне вероятно, что на расстоянии даже тысячи километров от этого ледяного мира деревья не растут. Там сплошная тундра, упирающаяся в море. На плоту, если поставить парус, мы сможем рискнуть переплыть это море, а на тракторе остаётся только сложить лапки и сдохнуть, предварительно сожрав Оззи. Ты этого хочешь?

– Подумаешь, тундра, вон, северные народы живут же на берегу Ледовитого океана, и

ничего, нормально себя чувствуют.

– Ха, нормально! Да они тысячи лет привыкали к таким условиям жизни, а ты, городской житель, там и месяца не протянешь. Пару недель покормишь гнуса и сдохнешь, на радость местным трупоедам. Тем более что топлива нет, оружия нет, ничего нет!

Сергей ещё раз попытался продвинуть свою идею с эвакуацией из этого места при помощи техники. Последним его аргументом было – использовать для этих целей наш весьма экономичный погрузчик. Но, в конце концов, сам понял, какую ахинею он несёт. Погрузчик смог бы тащить в таких условиях груз не больше тонны весом. А один кунг, вместе с нами и очень небольшим запасом продуктов и топлива, весил бы, наверное, больше. Одним словом, после всех обсуждений, криков и нервотрёпки мы все пришли к выводу, что это место нужно покидать в обязательном порядке. Двигаться будем по реке на плоту. Чтобы повысить его грузоподъёмность, будем использовать весь подручный материал. Уж очень хотелось, кроме кунга, загрузить на этот плот наш чудо-погрузчик и всё топливо, которое можно будет слить из бензобаков.

Всё это обсуждение, вместе с нашим обедом, заняло не больше часа. Закончив, мы решили, пока светло, осмотреть полуприцеп трейлера. Очень уж меня интересовали бочки, которые виднелись сквозь неплотно закреплённый тент заднего борта. Две бочки во время катастрофы вывалились из трейлера прямо на «Калину». К счастью, они были пустые и довольно лёгкие. Произведены были в ЮАР и служили раньше для перевозки концентрированных соков. Эти бочки, валяющиеся недалеко от легковушки, я осмотрел ещё до отъезда в нашу так называемую экспедицию. И тогда ещё порадовался везению девушек, несколько не пострадавших от колёс трайлера и этих бочек, рухнувших прямо на крышу их «Калины».

Вспомнив о девушках, я предложил Виктору попытаться как-то вытащить их из холодной кабины «Калины».

– А почему я? – возмутился он.

– Так ты же у нас пострадавший! Тебя они точно выслушают, не станут же нападать на мужика со сломанной рукой. Пускай на мужиков им тьфу, но свой труд-то они уважают! Так что давай, парень, не ссы... И родина тебя не забудет!

Под общие смешки и напутствия Виктор неохотно поплёлся к «Калине». Но он ещё не дошёл до единственно нормально работающей двери легковушки, как она открылась, и оттуда начали выбираться наши красавицы. Лица у них были припухшие, глаза печальные, но слёз уже не было. И говорили они вполне нормально и адекватно.

– Успокоились, – с облегчением вздохнул я и, подтолкнув Сергея, произнёс: – Слон, давай-ка займись девчонками! Бери Витька и попытайтесь заговорить им зубы. Для облегчения этого дела выставляй на стол коньяк и трёхлитровый пакет «сушняка». Мы с Васей сейчас осмотрим этот трейлер и присоединимся к вам. Сегодня делать уже больше ничего не будем, устроим себе небольшую релаксацию. А то даже меня от таких событий корёжит, представляю, что сейчас творится в головах девчонок.

Серёга, не возражая, направился сразу к Виктору, что-то ему тихо сказал, и они вместе подошли к девушкам. А мы с Василием в это время забирались в полуприцеп трейлера. Осматривать там оказалось особо нечего. Лежало несколько труб и двенадцатиметровых швеллеров, причём один из них был настоящая громадина, весил тонны две, если не больше, такие, наверное, используют для строительства мостов. Четыре других были обычные П-образные кованые двадцатки. Бочек в полуприцепе было двадцать штук, из них пятнадцать

пустых, а пять заполнены какой-то жидкостью. При виде этих пяти бочек моё сердце радостно забилось. Ещё бы, это была не какая-нибудь импортная лабудень, а наши, сделанные из толстого железа двухсотпятидесятилитровые замасленные бочки с завинчивающимися пробками. Ожидания меня не обманули, когда мы отвинтили пробки, из нутра бочек запахло соляжкой. И ещё одна находка порадовала моё сердце – это большая бухта семимиллиметрового стального троса и моток толстой стальной проволоки. Теперь точно хватит материала, чтобы закрепить доски в нашем плоту. Порубив проволоку, можно было получить гвозди или скобы, а тросом примотать к плоту пустые бочки. Этим мы сможем значительно повысить грузоподъемность нашего плота.

Выбравшись из полуприцепа, я предложил Василию всё же показать мне, что у него было загружено в прицеп. В него я залез один, Вася отказался, заявив:

– Сам лезь, коли сомневаешься в моих словах. Мне эти перевозимые грузы уже во где стоят!

Да, в этом громадном шестиметровом прицепе действительно лежало именно то, о чём рассказал Василий. Конечно, я залез туда не для того, чтобы проверить Васю. Просто меня очень заинтересовали его слова о листах железа. Какая-то смутная мысль об их использовании начала бродить в моей голове. Поэтому я минут пять изучал эту пачку металлических листов. Даже не поленился измерить и пересчитать их. Толщина железа была два миллиметра, размером метр на два, а всего их было семьдесят две штуки. Удовлетворив своё любопытство, я спрыгнул на землю, и мы с Василием направились к «Газели».

В кунге по сравнению с улицей было уютно и тепло, чего нельзя было сказать о моральной атмосфере. Несмотря на то что стол был уставлен различными закусками и напитками, в настрое присутствовавших здесь людей чувствовался внутренний холод и отчуждение. Ребятам так и не удалось сломить подавленное настроение девушек. Не было выпито ни грамма спиртного. По лицам девушек было видно, что они и здесь уже успели поплакать. Пришлось мне брать инициативу в свои руки.

Сняв верхнюю одежду, я нагло уселся рядом с девчонками на мягкую нижнюю лежанку. Василий присел на лавку рядом с ребятами. Оглядев своих соседок, я произнёс:

– Ну, что носы повесили! Плохо без тёплого туалета и ванной? Глупенькие, да за такое приключение миллионы людей отдали бы полжизни. Нам ведь предстоит путешествие на плоту по неизведанной реке. Считайте, что вы попали в общество Тома Сойера и Гекльберри Финна, а может, что ещё круче, капитана «Суматохи».

– Какого ещё «Суматохи»? – поинтересовалась Лена.

– Ну, это герой одного из романов, автор, по-моему, Бенгт Данельссон. Это один из спутников известного путешественника и исследователя Тура Хейердала. Кстати, Хейердал сам в реальности плывал на плоту, да и на связанной из тростника лодке через океан. Чувствуете – через океан! А там знаете какие бури, да и пресной воды нет. Если считать на каждого члена команды, запасов продуктов во всех его экспедициях было даже меньше, чем у нас. Во как! По сравнению с теми ребятами, у нас вообще лафа. Только там была команда, а у нас сборище плакальщиц, как на каких-то похоронах.

Неожиданно в разговор вступила Вера, она, внимательно глядя на меня, спросила:

– Так что же вы, Миша, считаете, что наше положение не безнадежно? Разве не произошла катастрофа, которая лишила нас Земли?

– А это смотря что называть катастрофой! Если мы живы и здоровы, и у нас имеется запас продуктов и средств для спасения жизни, то это можно назвать счастьем и прологом к дальнейшим приключениям.

– А если это река Стикс, и в конце нас ждёт царство мёртвых?

– Ну, тогда погрём весело, с гордо поднятой головой! Но я считаю, что всё плохое уже позади. Впереди нас ждут райские кущи и нетронутая миазмами цивилизации природа. Тебя же Вера зовут, значит, ты просто обязана верить, что дальше всё будет хорошо. Да и сама посуди – если вода течёт, должна же она собираться в какое-нибудь море или океан. А большое количество воды это естественный аккумулятор тепла, значит, снега и льда вблизи берегов быть не должно. В море имеется рыба, а на берегах растут деревья и водится разная живность. Соответственно, без пищи мы не останемся, да и с нашими навыками сможем построить себе тёплое жилище. Значит, что? Значит, будем жить, девчонки! За это надо поднять бокалы, а то сглазим удачу, тогда точно окажемся в реке Стикс.

Сказав это, я разлил коньяк по уже стоящим на столе емкостям. Всё-таки мне удалось заболтать девчонок, и они, как обычно, морщась, выпили налитый коньяк. Поставив пустую рюмку на стол, Наташа воскликнула:

– Да что же мы пьём всякую горечь! У нас же в машине лежит бутылка рома и текилы. Хочу «Баккарди» по-пижонски! Ты как, Верунь?

– А что? Коль пошла такая пьянка, режь последний огурец, – ответила Вера, а потом

добавила: – Пойдём, Натик, принесём сюда наши дачные запасы. Покажем ребятам, что любят дамы, а тем более дипломированные доктора. А то, видать, они неопытные ловеласы, не знают, что пьют современные девушки. Какое-то дешёвое вино в тетрапаке на стол выставили!

Слова Веры вся мужская часть компании встретила одобрительными возгласами. А Серёга ещё и добавил:

– Вот-вот, сразу чувствуется врачебный подход! Не зря же говорят, что нельзя понижать градусы выпитого.

Пока Вера и Наташа ходили за своими дачными запасами, мы под неполную бутылку коньяка вовсю пытались рассмешить оставшуюся с нами Лену. И нам удалось ликвидировать то чувство отчаянья и безысходности, которое овладело этой девушкой. Она улыбалась нам, раскрасневшись, и глаза блестели уже не от слёз.

Появившихся с двумя сумками девушек мы встретили аплодисментами. Даже Виктор лихо стучал по стене кунга ладонью здоровой руки. И было отчего. На столе возникли такие вещи, которые, например, мы с Серёгой пробовали только в наши самые денежные дни. Окончательно поднятию тонуса послужил не столько алкоголь, сколько красота процесса его потребления. У меня вылетело из головы наше печальное положение, когда Наташа стала обучать Сергея пить текилу. Это было веселое занятие и довольно продолжительное. Я даже забыл о своём намерении посмотреть на ночное небо, чтобы определить, на Земле мы или же совсем на другой планете. Наконец все усвоили: сколько нужно насыпать соли на большой палец, количество выжатого лимона, а также последовательность потребления всех ингредиентов. После такой интенсивной и продолжительной учёбы всем захотелось выйти на свежий воздух.

Солнце уже зашло. Прекрасно было видно полную луну и ясное звёздное небо, ни одно облачко не перекрывало его. И хотя мозги у меня и были заметно затуманены алкоголем, я сразу узнал это небо и эту луну. Безо всякого сомнения, это было земное небо, только гораздо ярче, безо всякого намёка на следы смога. Получается, мы находимся на нашей Земле, а вовсе не на чужой планете. Такие размышления посетили не только меня, потому что все начали громко выражать восторги по этому поводу. Опять возникла мысль, что, может быть, всё и не так трагично, что произошла какая-то грандиозная катастрофа, но человечество в целом сохранилось, что наверняка где-то ещё находятся группы уцелевших людей, и наша задача – объединиться с другими выжившими.

Бурное обсуждение открывающихся перспектив предстоящей эвакуации было в самом разгаре, когда на небосклоне неожиданно возшла ещё одна луна. Конечно, по своим размерам она ни в какое сравнение не шла с привычной нашему глазу, извечной спутницей Земли, но всё равно, как ни крути – факт был налицо. Её появление было настолько неожиданным, что все разговоры моментально стихли, наступила напряжённая тишина.

Мой бедный мозг стал работать с невероятной скоростью, судорожно выискивая объяснения этому феномену. Я раньше увлекался различными недоказанными большой наукой теориями нашего мироздания. И вот, пропустив через фильтр критических размышлений массу разных предположений, остановился на гипотезе, которая имела хоть какие-то обоснования.

По теории одного из исследователей космических объектов из США Кессиди – у Земли ранее был ещё один спутник. Он вращался по орбите Земли, пока не пересёк так называемую «границу Роше» и не распался на части. Фрагменты спутника ещё какое-то время

обращались на околоземной орбите, а затем вошли в атмосферу и начали падать на поверхность земли. Ключом к пониманию своей теории Кессиди называет некое давнее событие, якобы произошедшее в одном из районов Аргентины под названием Кампо-дель-Сьеде (небесное тело). Согласно одной из многочисленных легенд этих мест, когда-то давно на землю упал огромный шар, ставший причиной большой катастрофы. В том районе было найдено огромное количество объектов, якобы являющихся осколками этого небесного тела. Самые крупные: метеорит Хоба массой 60 тонн и найденный в 1980 году близ Гансело 33-тонный осколок внеземного происхождения. После тщательного исследования было выявлено, что длина поля, с находящимися на нём метеоритами, достигает семидесяти пяти километров. Расчёты показали, что только спутник, с его небольшой скоростью относительно Земли, мог оставить такие следы. Если бы это был астероид с подобной массой и соответствующей космической скоростью, при столкновении с ним Земля вполне вероятно могла бы расколоться, а если и нет, то уж жизни на планете точно не было бы. По остаткам сгоревших при той катастрофе деревьев, благодаря новейшим методам исследования Кессиди определил, что это произошло 5800 лет назад. Под эту выдвинутую американским учёным гипотезу подходили и легенды о гибели Атлантиды. Самый крупный осколок от разорванной силами гравитации второй луны – упал именно на этот, приближающийся своими размерами к континенту, остров.

Некоторое время я переваривал эту теорию, на которой и остановился мой разум. Невероятно! Получается, что мы провалились во временную яму. И глубина этого провала, исходя из наличия на орбите Земли этой маленькой луны, не менее 5800 лет. А может быть, и гораздо больше. И скорее всего, клочок нашего мира оказался в центре заснеженных просторов какого-нибудь Ледникового периода. И, судя по таянию снега, этот Ледниковый период уже подходил к концу.

«Как же это могло случиться? – завопило моё, уже порядком возбуждённое естество. Холодный, всё анализирующий разум ответил: – Вспомни многочисленные разговоры про планету-призрак Нибира. Есть же информация, что она принадлежит другой вселенной, но периодически сближается с Землёй. Имеется масса легенд, что обитатели этой планеты в тот момент, когда наши планеты оказываются в одном временном континууме, посещают Землю. Так почему бы при сближении наших планет краешек-другой вселенной не мог зацепить Землю. А в этом столкновении двух наверняка разных по физическим законам миров поднялся временной вихрь. Кусочек земной поверхности был вырван и переброшен куда-то в прошлое. К несчастью, мы оказались на этом клочке земли. Других логических объяснений у меня нет. Остаётся, правда, ещё воля Создателя, но это уже вопрос веры».

Наконец всё в моём сознании утряслось, и я вернулся в реальный мир. Вокруг стояла всё такая же тишина. Мои братья по несчастью всё так же безмолвно стояли, подняв свои тревожно удивлённые взоры на эту новую луну. По одному виду их понурых фигур казалось, что ещё немного, и они завоюют на луну, как осиротевшие собаки, потерявшие любимого хозяина, который недавно умер. А вот этого-то допускать было никак нельзя, ведь мы только-только вышли из того кошмарного состояния, которое объяло всех, включая меня. Просто мы с ребятами очень старались не показывать вида, как тяжело на душе. Бурные же чувства девушек, явно преобладающие над разумом, быстро приводили к истерикам. И по моим наблюдениям за их поведением – очередная истерика должна была вот-вот начаться. Интуиция быстро подсказала мне спасительный выход из создавшейся ситуации, и я начал импровизировать. Набрав побольше воздуха в лёгкие, я почти закричал:

– Понял! Я всё понял, чёрт возьми! Вы даже не представляете, как нам повезло! Мы же увидим живых жителей Атлантиды!

Мой неожиданный дикий выкрик слегка рассеял неумолимо начинающиеся сгущаться тучи нового отчаянья. Все как по команде прекратили смотреть на маленькую луну и тупо уставились на меня. Тогда я рассказал им и о гипотезе Кессиди, и о планете Нибиру, и ещё о многих других чудесах, приплетая к ним собственную теорию гибели Атлантиды. Не переставая давить на затуманенные алкоголем мозги моих слушателей массой неожиданных, интереснейших фактов, я и сам так возбудился, что уже почти кричал:

– Если эта луна ещё не рухнула на Землю, то значит, Атлантида ещё не погрузилась в океан. Мы сможем предупредить эту высокоразвитую цивилизацию о грядущей катастрофе. Вы представляете, сколько миллионов жизней мы спасём? И каких жизней! А какие шедевры останутся в культурном наследии человечества? И это ещё не всё – технический прогресс так скакнет, что в наше время, которое мы покинули, уже будут доступны космические полёты к звёздам и, может быть, станет возможной бесконечно долгая жизнь каждого человека.

Своим слишком эмоциональным поведением я не только переломил хребет начинающейся уже паники, но и себя-то почти убедил в том, что нам уготована величайшая миссия. А это стоит усилий по преодолению всех самых невероятных трудностей и невзгод. Какое тут, к чёрту, внутреннее состояние, когда впереди светит ярчайшей звездой такая великая цель. Правда, невероятную красоту и пафос момента предательски подтачивал один маленький вопрос, сидящий в подкорке моего мозга, – почему же, если у атлантов такая развитая цивилизация, молчит радиоэфир? Но я его быстренько задавил – ведь так по-мальчишески хотелось героически послужить великой цели.

Наверное, в течение получаса мы, стоя при свете двух лун, фантазировали о великих перспективах, которые нас ожидают. Потом дружно, в полной эйфории, направились в кунг и ещё с большим энтузиазмом продолжили наше застолье. Теперь уже никто не ныл, не хандрил, у всех было приподнятое настроение и уже казалось, что сам чёрт нам не брат. Мы готовы были свернуть горы, чтобы выбраться из этого ледяного плена и добраться до Атлантиды. Появилась такая цель, что все готовы были работать до изнеможения, не щадя себя, включая наших девушек.

Но всему когда-нибудь приходит конец, тем более что и текила уже была допита. Мы начали потихоньку устраиваться спать. Девушки улеглись в нижнем отделении нашей двухэтажной лежанки, Виктор на боковой лавке, остальные на верхней складной полке наших нар. Там для сна было самое плохое место. Во-первых, душно; во-вторых, тесно (расстояние до потолка было всего лишь сантиметров пятьдесят); ну, а в-третьих, жёстко, на доски был постелен только слой поролона четыре сантиметра толщиной, а сверху на нём лежало два одеяла. Но делать было нечего, не девчонок же укладывать на верхнюю полку или Виктора с его травмированной рукой.

Несмотря на неудобства, заснул я практически сразу. Но, по-видимому, алкоголь в моей крови быстро испарился, а мозг и во сне продолжал работать, и меня постоянно мучила какая-то неосознанная тревога. Что-то я упустил, что-то нужно было делать не так, как мы решили за нашим застольем. Может быть, было очень душно и не хватало кислорода. Одним словом, я открыл глаза, потом спустился с лежанки и решил выйти на улицу, подышать свежим воздухом и ещё раз подумать о наших планах. Одевшись, вышел из кунга. Пристроившись на раме стоящего у «Газели» бензогенератора, поглаживая ластившегося ко

мне Оззи, я крепко задумался.

Почти сразу в голову пришла мысль – плот, который мы договорились делать, хорош только при сплавлении вниз по реке. Если же нам придётся плыть по морю, то он никуда не годится. А доплыв на плоту до берега моря, мы окажемся в таком же положении, как и сейчас. Только там у нас уже не будет механизмов, топлива и материалов, кроме тех, из которых изготовлен плот. Ведь грузоподъёмность плота будет очень небольшой, и мы будем вынуждены большинство вещей и материалов оставить здесь. Да и продукты быстро подойдут к концу. Опять всё те же «вилы», и нам на этом углом плоту придётся ринуться в открытое море, рассчитывая только на невероятную удачу.

К тому же, проспавшись, я уже был не так уверен, что мы непременно найдём высокоразвитую цивилизацию. Кто сказал, что провалившись в прошлое, мы попали к самому пику её развития. Может быть, мы попали не на шесть тысяч лет в прошлое, а, допустим, на десять, или на двадцать, или на все сто. И что тогда здесь делать без наших инструментов, механизмов и материалов. Даже паршивую железку мы вряд ли сможем выплавить. Не говоря уже об изготовлении оружия или какого-нибудь двигателя – даже парового. Получается, обратно к обезьянам? Ну уж нет! Никак я не мог смириться с тем, что от безысходности буду жрать сырое мясо пойманных крыс или ещё каких-нибудь мерзких животных. Других мы вряд ли сможем добыть. Как бы самим не стать добычей того же саблезубого тигра, например.

Так что, как ни крути, получается одно – кровь из носу, но нужно вывозить с собой максимально возможное количество материалов и механизмов. В первую очередь, наш погрузчик, всё топливо и железо. Как это сделать? Мой непрерывно ищущий ответы мозг, скорее всего, работал и во сне, потому что ответ возник сразу. Это был не просто ответ, а подробная схема наших дальнейших действий. Внутренний голос безапелляционно заявил: «Будем строить железный корабль. Для этого всё есть: железные листы, швеллеры, уголки, металлические полосы. Сварочное оборудование тоже имеется. Палубу у этого корабля можно сделать деревянной, из пологого бруса. Вместо мачты поставить длинную железную трубу, к которой приварить перекладыны для крепления парусов. Паруса изготовить из тентов грузовиков, поднимать и опускать их можно при помощи лебёдки или тали. Руль у судна сделать из толстого железа и поворачивать его при помощи длинного рычага. А если получится, то приспособить для этого рулевую колонку с гидроусилителем от КамАЗа или «Кировца». Нужно подумать над установкой на этом корабле винта или гребных колёс, нужных для лучшего маневрирования и движения этой лоханки при отсутствии ветра. Двигателем для этой системы будет погрузчик – на нём есть вал для передачи крутящего момента на внешнее оборудование».

Так как я сам был автором этой идеи, конечно, никаких минусов в предложенной внутренним голосом конструкции не нашёл. Хотя и пытался минут десять отыскать изъяны. Рассчитать, какая будет грузоподъёмность и осадка у этого судна, я не мог – не обладал необходимыми знаниями. Оставалось только предполагать, что изготовленный из металла корабль не утонет под тяжестью своего веса. Но, по идее, этого не должно было случиться, ведь существуют же понтоны, а они изготавливаются из железных листов не тоньше, чем те, которые имелись у нас. Кроме того, что они сами держатся на воде, их используют для наведения мостов, по которым может двигаться тяжёлая техника.

В сущности, я хотел изготовить большой понтон, килем у которого служил бы громадный швеллер, который лежал в трейлере. По логике вещей, это должно было придать

устойчивость всей конструкции и ниже опустить центр тяжести понтона. Вся загвоздка была в оборудовании носа судна. А именно – как сделать его заострённым, чтобы он не зарывался в воду и не создавал лишнего сопротивления при движении по ветру. Для движения по течению реки это было не принципиально, а вот при выходе в море это становилось жизненно необходимым.

Думал я над этим вопросом недолго, выбирать-то было особо не из чего. Выгнуть швеллеры у нас вряд ли бы получилось. Нужно было минимум два швеллера согнуть под одинаковым углом. Может быть, разогревая их и сгибая, прикрепив к «Кировцу», нам, в конце концов, это и удалось бы сделать, но времени на это пришлось бы потратить очень много. А как раз времени у нас было мало. Максимум месяц мы могли потратить на постройку этого судна. После этого продуктов останется недели на две, и это с учётом собачьего корма и того урожая пшеницы, которое мы могли бы снять с перенесённого вместе с нами кусочка сельхозугодий. Ещё вечером я всех опросил и теперь знал, какое положение у нас с продуктами. Так что долгую и кропотливую работу мы не могли себе позволить. Оставалось использовать железные полосы. Выгнуть их можно было, наехав на них тяжёлым «Кировцем», а потом, для жёсткости, сверху наварить каркас из уголков.

Размер корабля диктовался длиной швеллеров и количеством металлических листов. В голове моей уже была примерная схема судна и технологическая последовательность наших действий. Но это в голове, там всё просто. А что? Сначала притаскиваем «Кировцем» к реке большой швеллер, на него надеваем П-образный и свариваем эту конструкцию. Закрепляем спереди уже изогнутую металлическую полосу. Это будет нос корабля. Потом по бокам, на расстоянии длины металлических листов, укладываем два П-образных швеллера рёбрами вниз, предварительно установив их на деревянные подпорки, так, чтобы они были немного выше нашей изготовленной ранее конструкции. Крепим к ним изогнутые полосы, соединяя их с носом нашего судна. Наварив железные листы, мы уже получим днище. Дальше останется ерунда – приварить боковые стойки, перемишки из уголков между бортами и облицевать получившийся каркас металлическими листами. Привариваем к центральному швеллеру трубу, которая будет служить мачтой. Кроме крепления внизу, она будет находиться между двух швеллеров, служащих перемишкой между бортами. Всё, в получившееся корыто можно устанавливать кунг и загружать при помощи нашей тали крупногабаритные детали от разобранных машин. После загрузки сколачиваем деревянную палубу. Причём половой брус укладываем в несколько слоёв. Во-первых, это будет служить защитой от проникновения в трюм воды, а во-вторых, нужно с собой увозить весь материал, он может пригодиться нам как топливо для печи.

После всех корпусных работ можно будет заняться обустройством палубы, изготовлением руля, рубки и других необходимых для плаванья вещей. Тогда же я думал начать мудрить с механическим двигателем для этого судна. Самое простое, конечно, приспособить автомобильный мост, для того чтобы по бокам этого судна установить гребные колёса. К колёсным дискам наварить лопасти и больше не заморачиваться с этим вопросом. Крутящий момент будет передаваться на эти колёса посредством карданных валов, снятых с автомобилей.

Наплевать на качество и долговечность конструкции, лишь бы этот корабль доставил нас и материалы до тёплых мест, где имеется растительность и животный мир. Мы не белоручки и, имея столько металла, инструментов, электричество, наверняка сможем устроиться и прокормить себя. А уж потом можно будет поискать и следы Антлантиды. На

такой бодрой ноте я и закончил все размышления над проектом. Оставалось только обсудить эту идею с другими ребятами, и можно было начинать действовать.

Основная надежда на то, что моя бредовая идея может быть воплощена в жизнь, опиралась у меня на способности Сергея, на его золотые руки. Он был сварщиком от бога и буквально чувствовал металл. Сам я вряд ли смог бы приварить железный лист так, чтобы он составлял одно целое со швеллером, а Серёга делал это шутя. Изделия, которые он сваривал, могли ломаться в каком угодно месте, но только не на месте сварки.

Тем временем начинало светать. Уже немного озябнув, направился в тёплый кунг. Там я разделся, залез на своё место на самом краю верхних нар и чрезвычайно довольный собой тут же уснул.

Подъём был весьма неприятным и очень напомнил мне времена двухмесячных сборов на военной кафедре МАДИ. Тогда именно так наш комот поднимал меня во время учебных тревог. Теперь и Серёга так же себя вёл. Выдернул из-под головы подушку и перекрыл ею доступ кислорода к моему лицу. Возмущённый, я открыл глаза и попытался сесть. Но, естественно, боднул головой потолок. Удар был довольно ощутимый, я упал обратно на постель и от души выmaterился. В ответ услышал только хохот Серёги и злорадную фразу:

– Солнце уже высоко, пора на работу! Уже все встали, даже девчонки, а ты спишь как сурок!

Я опять, но уже едва слышно ругнулся и, потирая ушибленное место, произнёс:

– Сам ты сурок! Пока вы все тут дрыхли, нажравшись текилы, я работал. Пожалуй, я единственный в нашей компании, кто в состоянии работать головой. Я этой ночью, можно сказать, разработал суперпроект. Вот ты своим рудиментом под названием головной мозг способен только меня доставать, а должен беречь и лелеять такого парня, как я.

– Вот балобол-то! А я, по-твоему, что сейчас делаю? Я и забочусь о благополучии твоего желудка. Если сейчас не встанешь, плакал твой завтрак. Пока все умываются на улице, а когда придут завтракать, сомневаюсь, что что-нибудь съестное оставят для лежебок. Сам же вчера предложил установить жёсткую ежедневную норму потребления продуктов. Ну, в общем, как хочешь, можешь валяться дальше. Нам же больше достанется. Кто рано встаёт – тому бог подаёт!

Да-а... От Серёги вполне можно было ожидать, что он в целях воспитания слопает и мою порцию этого первого нормированного пайка. Вставать нужно было быстрее, а то и вода для умывания кончится. Придётся тащиться добывать лёд, потом его растапливать. Одно дело, когда мы вместе вчера этим занимались, а в одиночку делать это меня совершенно не прельщало. Всё это я обдумывал, находясь уже внизу, зашнуровывая свои бахилы. Накинув куртку, я резво выскочил на улицу и встал в очередь к нашему единственному умывальнику. Это был полуведерный алюминиевый наливной умывальник, который мы обычно на наших шабашках и на рыбалках подвешивали к боковому борту «Газели».

Первый наш завтрак после катастрофы состоял из продуктов, которые не могли долго храниться. Все они были из запасов девушек. Всякие там йогурты, творожки и прочая лабудень. Самым сытным из всего этого были блинчики с мясом, но их было катастрофически мало для наших объёмных мужских желудков. Всего лишь одна упаковка. Сегодня мы собирались продержаться только на запасах, которые девчата перевозили в сумке-холодильнике. В нём ещё оставались: килограммовый пакет пельменей, полбатона варёной колбасы, литровый пакет молока, сыр, масло и ещё одна упаковка с блинчиками. Продукты долгого хранения мы убрали в кабину «Газели», где у нас теперь был общий

продуктовый склад. Продукты нужно было обязательно держать в недоступном для Оззи месте. Эта хитрая собака запросто могла что-нибудь утащить и мгновенно сожрать. Казалось, своими зубищами он мог запросто вскрыть и консервную банку. Деятель был ещё тот, за ним нужен был глаз да глаз. Ночью он оставался полным хозяином на улице и мог натворить что угодно.

Допив чай, Серёга потянулся и заявил:

– Ну что, пора идти на трудовую вахту. Если постараемся, то уже сегодня сможем приступить к постройке плота. Начнём с вырванного у «Кировца» фаркопа. Думаю, мы за час приспособим его к трактору. Пока я буду его приваривать, Миха с Васьком выкинут все железки из прицепа. Потом мы его загрузим досками и отвезём первую партию к реке. Витёк своей здоровой клешнёй будет мне помогать, ну а девчонки займутся хозяйством и, как вчера договаривались, начнут собирать оставшуюся на поле картошку. А если быстро управятся, могут начинать сбор пшеницы. На нашем погрузчике я этот клин скошу за полчаса, а уж собирать колоски – это дело женское.

Я тоже в два глотка допил свой чай, со стуком поставил эмалированную кружку на стол и произнёс:

– Не гони лошадей, мужик! Плот отменяется! Я же тебе уже говорил, что почти всю ночь разрабатывал новый проект. Сейчас сам поймёшь и оценишь. Давай вон с полки тетрадь и карандаш, сейчас всё нарисую, и нужно будет всем помозговать, осилим ли мы эту конструкцию.

Моё сообщение всех заинтересовало, поэтому они быстро допили свой чай, а Вера, которая сегодня была дежурной, освободила и протёрла стол. Перед тем как рисовать план своего ночного измышления, я в течение минут двадцати рассказывал об этом проекте. В основном о тех плюсах, которые даёт нам обладание этим плавательным средством. По лицам моих благодарных слушателей я увидел, что идея их захватила. Я мельком взглянул на Серёгу и понял – парень теперь полностью мой сторонник. И не потому, что он мой верный друг. Всё было гораздо романтичнее. Ведь теперь вполне могла исполниться его мечта. Он ещё с детства бредил морскими путешествиями. Сколько раз он подбивал меня, чтобы мы начинали копить деньги на какую-нибудь яхту. Но, правда, потом затыкался, цены были невообразимые. И не нам, двум простым работягам, было продолжать страдать этим безумием. Может быть, и в планах по организации собственного дела он поддерживал меня из-за призрачной надежды, что мы, когда-нибудь впоследствии, сможем набрать необходимую сумму для покупки хотя бы речной яхты.

Но, несмотря на восторженный блеск его глаз, основным критиком нарисованной мной схемы и эскиза корабля стал как раз именно Сергей. В наших с ним спорах по конструкции судна приняли участие и другие ребята. Девчонки просто сидели, таращили глаза и выражали робкие сомнения, что такое количество железа сможет удержаться на воде. Я, наверное, в течение часа выдерживал упорные наскоки критиков, в конце концов, мне это надоело, и я заявил:

– Тоже мне знатоки собрались! Один сельский тракторист, другой лесовоз, а третий недоделанный сварщик-яхтсмен. Да, фиг ли, вы учите человека с высшим образованием. Сами же знаете, что даже не совсем пустая железная бочка не утонет, а здесь примерно то же самое, только тяжёлый киль приделан. Уже больше часа базарим, а вопрос-то выеденного яйца не стоит. Он же однозначно трактуется – хотим мы выжить или нет! Если сто процентов хотим, то нужно серьёзно повкалывать и строить корабль. Если хотим ради проформы,

только чтобы хоть что-то сделать ради спасения, тогда да, тогда, конечно, можно стогношить плот и надеяться на чудо.

После такого эмоционального взрыва критика несколько спала, и мы наконец занялись серьёзным обсуждением проекта. Мои выкладки больше никто не оспаривал. Только прошли некоторые уточнения, и всё. Самые жаркие дискуссии вызвала идея оборудования этого судна гребными колёсами. Как ни странно, интересное деловое предложение внёс наш тракторист Василий. Парень не раз на мехдворе своего сельхозкооператива занимался ремонтом различной техники, в том числе приспособлял к нашим условиям даже импортные комбайны. Поэтому принцип работы незнакомых механизмов чувствовал очень даже хорошо. Он сразу, как только мы с Серёгой начали мудрить с расположением валов к гребным колёсам, опасливо глядя на меня, предложил:

– А зачем мудрить с разными переходными зубчатыми колёсами или передаточными ремнями? Не проще ли снять задний мост, например с «Газели», удлинить его до бортов, на концы установить камазовские бобины, а на них уже надеть диски с наваренными лопастями.

Сергей, иронически глядя на Васю, усмехнулся и произнёс:

– Это тебе не картофелекопалка, а корабль! А море не асфальтовая дорога! Ты хоть представляешь, какая будет скорость вращения у этого колеса даже на первой передаче? Да оно в момент разлетится! Это первое! А второе – если даже мы переберём газелевскую коробку и сделаем низкую скорость вращения вала, и этот мост установим на палубе, то колесо придётся делать очень большого диаметра, чтобы лопасти загребали воду. Понял, механизатор!

– А что тут понимать! Это дураком надо быть, чтобы мост устанавливать на палубе. У нас же есть трюм! Вот там и нужно размещать всю систему, а борт вал будет проходить через сальники. Никакие брызги внутрь трюма не попадут. А коробку перебрать – это не проблема. В случае чего и без неё можно обойтись. Поставим одну большую шестерню, а на неё с двигателя вашего трактора будем передавать крутящий момент маленькой шестерёнкой. Конечно, скорость гребных колёс будет одна. А нам зачем иметь их несколько? Конечно, долго эта конструкция не прослужит, но Миха сам говорит, что нужно всего-то часов двадцать работы этого агрегата, да и то не постоянно. Заключим эту конструкцию в какую-нибудь ёмкость, нальём туда машинного масла, и будет система пахать дай боже.

Сергей начал спорить с Василием, продвигая свою мысль, что нужно делать винт, а не гребные колёса, которые будут очень сильно уменьшать мореходные качества нашего корабля. Я в это время напряжённо анализировал возможности изготовить своими силами винтовую систему двигателя, но к большому своему огорчению, начал понимать, что эту работу мы не потянем. Поэтому уже совместно с Василием и Витей мы начали убеждать Сергея, что только простейшие гребные колёса мы сможем установить на нашем судне. Наконец консенсус был достигнут. Для улучшения мореходных качеств корабля было решено спереди загородить гребные колёса поднимающимся фальшбортом.

Мы настолько увлеклись разработкой уточнённого проекта, что забыли о времени и о наших девушках. Они, понаблюдав за разгоревшейся перепалкой, решили, видимо, заняться более важными делами. Я краем глаза, конечно, заметил, как они собрались, и даже объяснил Вере, где взять лопаты, но потом, снова забыв обо всём, с удвоенной силой принялся защищать свой проект. Когда мы уже по второму разу стали обсуждать все этапы работы, вернулись наши дамы. И пришли они не с пустыми руками. Пока мы занимались

словоблудием, они были заняты настоящим делом и успели за это время собрать всю оставленную на поле картошку. Вот с этим урожаем, который составил почти три ведра, они и появились в кунге.

Подняли они в жилое помещение эти три измазанные землёй вёдра, конечно, не просто так. Это был своеобразный намёк, мол, хватит заниматься пустой болтовнёй – пора приниматься за настоящее дело. Мы всё прекрасно поняли, поэтому, практически сразу после появления девушек, завершили все бумажные дела и начали было уже собираться на работу, но были остановлены возгласом Веры:

– Куда вы собираетесь? Уже половина второго, пора обедать. Идите, горе-судостроители, мыть руки. Мы пока вы тут сидите, уже успели и льда принести, сейчас его растопим, и можете мыться. Воду, которая оставалась на улице, мы уже использовали, отмываясь после сельхозработ.

Да-а!.. Пришлось после этих слов представителям сильной половины человечества, так сказать, обтекать. Смущённые, мы начали бестолково суетиться, пытаясь себя реабилитировать хоть какими-то действиями в помощи по подготовке к обеду и наведению в кунге порядка. Но были изгнаны на улицу, разжигать бензиновую плитку и растапливать на ней принесённые девчатами ледяные куски. Одну большую кастрюлю, набитую льдом, девушки уже поставили на печку. Кстати, теперь каждый мог узнать, который час. Вчера, когда мы заводили бензогенератор, все смогли зарядить свои сотовые телефоны.

После обеда у нас опять не получилось приступить к основной работе. И виноват в этом оказался Оззи. Этот пёс как-то очень подозрительно стал вертеться возле раздавленной кабины МАЗа. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – собаку очень интересует тело погибшего водителя трейлера. И наверняка, так как в его миску собачьего питания насыпалось мало, этот интерес был вызван чисто гастрономическими целями. Мне как-то сразу стало не по себе, прямо говоря, просто стыдно, что за всеми нашими вполне понятными заботами мы как-то совсем не по-человечески обошлись с телом погибшего парня. Ведь вопреки сказанным ранее в запале Серёгиным словам, все мы уже давно знали, что не будет никакого МЧС и плачущих родственников. После недолгого совещания решили труп из кабины достать и захоронить на бывшем картофельном поле. Чтобы извлечь тело погибшего водителя из искорёженного автомобиля и похоронить его, нам потребовалось часа два.

Настроение у всех было, мягко говоря, неважное. Немного отвлекли нас от этого грустного мероприятия некоторые материальные приобретения. Во-первых, нашли в кармане погибшего духовой пистолет, а в бардачке МАЗа лежала коробка металлических шариков и четыре баллончика со сжатым воздухом для этого оружия. В нашей ситуации это было именно оружие. Я и Сергей один раз на даче у приятеля стреляли из подобного пистолета и знали, что это довольно грозная вещь. Из такой вроде бы игрушечной штучки мы метров с десяти пробивали насквозь пивные бутылки. Кроме оружия, в кабине нашли электронную книгу, в которой, кроме художественной, была вбита масса литературы по инженерной и учебной тематике. Наверное, парень, которого мы похоронили, или учился, или готовился поступать в какой-то технический вуз. После этих находок наша оснащённость электронными устройствами резко возросла. Раньше это были только ноутбук и цифровой фотоаппарат, которые на момент катастрофы были у девушек. А также мой «ПокетБук». Можно было учесть и сотовые телефоны, но в нашей ситуации они, скорее всего, окажутся бесполезными. Я думал, что может быть, литиевые аккумуляторы от них можно будет как-то использовать?

Когда с кабины МАЗа стаскивали «Кировцем» полуприцеп, выяснилось, что система сцепки с седлом тягача не пострадала. Вполне было можно прицепить этот длинномер к «Кировцу» и оттащить его к реке. Это была хорошая новость, ведь это сэкономило нам кучу времени и сил. Теперь не нужно было собирать наш кран и перекидывать груз, находящийся в длинномере, на прицеп «Кировца». Достаточно было оттащить повреждённый МАЗ и посадить полуприцеп на имеющееся седло «Кировца». После этого лежащий в длинномере груз можно было транспортировать к реке. Первоначально мы так и хотели сделать, но потом Серёга высказал здравую мысль:

– Куда мы сейчас пойдём с этим полуприцепом? Нужно сначала определиться, где будем собирать судно. Вы же, когда были на разведке, даже не подъезжали к берегу реки. А вдруг в том месте, куда мы привезём полуприцеп, мелко? У нас же осадка по расчётам получается метра два, вот и нужно искать место, где глубина у берега соответствует ей. Иначе намучаемся транспортировать уже собранный корабль на глубокое место. В глубоком месте мы просто подтолкнём корабль «Кировцем» к реке и всё, дальше он может плыть уже сам.

Возразить было абсолютно нечего, поэтому, немного посоветовавшись, мы решили разделить. Василий с Виктором оставались на прежнем месте и станут заниматься установкой полуприцепа на «Кировец». Мы с Сергеем на погрузчике должны были ехать к реке и выбрать место для нашей будущей судовой верфи. Конечно, для дела лучше было бы, чтобы помогать Васе остался кто-нибудь со здоровыми руками, но только у нас с Серёгой на ноги были надеты так называемые «говнодавы» с толстой и ребристой подошвой. Остальные были обуты в лёгкие кроссовки. Не в них ходить на разведку по скользкому льду вблизи реки. Одним словом, мы были ребята подготовленные. Слава богу, что у девчонок в «Калине» нашлись хотя бы джинсы и кроссовки, первоначально-то они щеголяли в коротеньких юбчонках и модельных туфельках.

К берегу реки мы подъехали только в шестом часу вечера и подходящее место искали почти до сумерек. Это была бухточка, вымытая водой в ледяной толще. Глубина у самого берега была три метра, от течения она была ограждена ледяным утёсом. К воде шёл небольшой уклон, что должно было способствовать успешному спуску нашего судна. Здесь и работать было бы удобно. Ветра практически не было, его гасил утёс. Минусов мы практически не нашли, особенно в сравнении с другими участками вдоль этой широкой реки. А мы обследовали километров двадцать её берега. До нашего земного островка напрямик было немногим больше семи километров.

В девять двадцать вечера, когда на небосклоне уже появилась луна, мы, наконец, вернулись к нашему убежищу. И сразу увидели, какую огромную работу провели остальные члены нашей команды. «Кировец» стоял на льду с уже прицепленным длинномером. Заводи – и можно следовать к выбранному нами месту. Если прямо сказать, я думал, что только завтра совместными усилиями мы сможем это сделать. Видно, девчонки здорово помогли ребятам, один из которых был не совсем трудоспособен.

Только уютно устроившись на боковой лавке в тёплом кунге, я понял, как озяб и измучился на этой реке. А тут было так хорошо – горячий чай с блинчиком, заботливые девушки и спокойная беседа. Что может быть лучше после изматывающей гонки вдоль реки, продуваемой пронизывающим ледяным ветром? Больше часа, мирно чаёвничая, мы строили планы и рассказывали друг другу все перипетии этого дня. Уже в одиннадцать часов, за последней чашкой слабозаваренного чая, мы наконец закончили планировать завтрашние действия. После этого я первым забрался на своё место на верхних нарах и практически мгновенно уснул. Я уже усвоил, что это надо было делать первым, а иначе гарантирована бессонница под аккомпанемент Васькиного храпа. Этот мужик храпел фигурно, заснуть под эти трели было весьма затруднительно. Хотя вчера это обстоятельство явно пошло нам на пользу. Ведь именно бессонной прошлой ночью мне и пришла в голову мысль, что путешествие на плоту сродни медленному самоубийству. А постояв на улице, у меня возник и план строительства корабля.

Проснулся по будильнику моего телефона. Завтрак и другие атрибуты начала трудового дня заняли сорок минут. Затем я вместе с Василием поехал перевозить полуприцеп на выбранную вчера площадку. Задачей других членов нашей команды было – заняться сельхозработами. Сергей на нашем универсальном погрузчике должен был скосить всю пшеницу, а девушки и Виктор вязать её в снопы.

Переброска полуприцепа на место, где должна была расположиться наша будущая верфь, заняла у нас минут пятьдесят. Из них минут тридцать мы мучились со снятием длинномера с седла «Кировца». Прибыв обратно на земной остров, наш К-701 сразу же

попал в распоряжение Сергея. Пшеница уже была скошена, и он, заранее подготовив бензогенератор, уже ожидал нас для восстановления фаркопа. Через полтора часа, зацепив тракторный прицеп, мы уже втроём потащили его к месту разгрузки. Там часа два работали грузчиками, аккуратно сгружая металлические листы и другой находящийся в прицепе груз. Следующая наша поездка к месту расположения уже намечающейся верфи состоялась после обеда, а всего до вечера мы сделали туда две ездки, перевезя все пиломатериалы, находившиеся в перевёрнутом на дороге КамАЗе.

В этот день все настолько устали, что после вечернего чая практически никаких разговоров не было. Все расплзлись по своим местам, и уже в десять часов вечера наш кунг напоминал спящую мёртвым сном ночлежку бомжей. Запах невымытых потных тел наверняка вполне соответствовал обстановке того заведения. Мужикам-то на это было наплевать, а вот наши девчонки от этого явно мучились. Я, даже мертвецки усталый, это почувствовал и, уже засыпая, думал, как нам устроить банный день.

Телефон начал кукарекать, как всегда, в семь часов утра. Так как я его специально положил у входа в кунг, пришлось, чертыхаясь, сползть с нар и идти его выключать. Раннее кукареканье моего будильника было настолько мерзким, что способно было поднять мёртвого из гроба. Естественно, что эти противные звуки будили всех, и начинался уже привычный ритуал подъёма, с проклятиями в адрес злодейки-судьбы, закинувшей таких хороших людей в такую мерзкую клоаку, где даже поспать спокойно не дают. Но в конечном счёте всё завершалось распитием горячего чая с остатками девичьих запасов продуктов. А продуктов-то у нас оставалось негусто. В последующие дни мы могли располагать только тем, что находилось в момент катастрофы в «Газели», и собранным скудным урожаем с земли, перенесённой вместе с нами в этот ледяной мир.

[Купить полную версию книги](#)